

OLGA V. VELES

НЕ ОТКРЫВАЙ
ЭТУ ДВЕРЬ

18+

Olga Veles

Не открывай эту дверь

<https://litres.ru/74132763>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этих историях зло не приходит с громом и молнией — оно просачивается сквозь щели: в скрип старого моста, в узор родимого пятна, в приоткрытую дверь, которой вчера ещё не было на стене.

Здесь пропадают люди — и возвращаются другими. Здесь ребёнок может смотреть на тебя глазами, в которых нет детства, а старый цех хранит алтарь из чужих вещей. Это не просто ужасы. Это хроники мест, где реальность даёт трещину. И тех, кто оказался по обе стороны этой трещины.

Читайте, если готовы услышать, как в тишине кто-то проводит ногтем по стене и ждёт ответа.

Знаковые мотивы культовых хорроров переосмыслены в наших реалиях: вместо далёких особняков — панельные окраины и глухие трассы; вместо чужих легенд — наши страхи и суеверия.

Этот сборник — не просто дань уважения классике жанра. Это попытка показать: самое страшное рождается там, где мы чувствуем себя в безопасности.

Содержание

«Поворот во тьму»	5
Глава 1. Дорога в никуда	5
Глава 2. Дом в лесу	8
Глава 3. Ловушка	10
Глава	12
Глава 5. Побег или смерть	16
Глава 7. Цена спасения	23
Глава 9. Тени не уходят	30
Эпилог. Дорога назад	33
«Обратный отсчёт»	35
Глава 1. Предчувствие	35
Глава 2. Цена спасения	39
Глава 3. Первый ход	41
Глава 4. Цепная реакция	43
Глава 5. Погоня за временем	45
Эпилог. Обратный отсчёт	47
«Проклятый город»	48
Глава 1. Телефонный звонок	48
Глава 2. Игра без правил	50
Глава 3. Кровь на траве	52
Глава 4. Город, который знает	55
Глава 5. Маска не одна	57
Эпилог. Кто следующий?	60

«Голос из темноты»	61
Глава 1. Тихий вечер в Вудсборо	61
Глава 2. Первая кровь	64
Глава 3. Город знает	68
Глава 4. Маска возвращается	70
Глава 5. Ловушка в старом кинотеатре	73
Глава 6. Старые тайны	79
Глава 7. Охота начинается	81
Глава 8. Дневник уборщика	84
Глава 9. Правда, которая убивает	91
Глава 10. Финал.	96
«Тень в октябрьской темноте»	100
Глава 1. Тихий пригород	100
Глава 2. Охота начинается	104
Глава 3. Следы на мокром асфальте	108
Глава 4. Последний раунд	110
Эпилог. Утро после тьмы	113
«Домохозяйка»	115
Глава 1. Идеальный дом	115
Глава 2. Правила игры	118
Глава 3. Цена чистоты	120
Глава 4. Тайны подвала	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Olga V. Veles

Не открывай эту дверь

«Поворот во тьму»

Глава 1. Дорога в никуда

День клонился к закату, и солнце, багровое, будто пропитанное ржавчиной, цеплялось за верхушки елей, отбрасывая длинные тени на асфальт. Трасса была почти пустой — только редкие машины проносились мимо, оставляя за собой шлейф пыли и гула.

В стареньком внедорожнике, который уже давно забыл, что такое тишина (то скрипел, то постукивал, то вздыхал на кочках), сидели пятеро.

Артём, за рулём, сжимал руль так, будто тот мог в любой момент вырваться и унести машину в кювет. Ему было двадцать семь, он носил короткую щетину, тёмные волосы слегка вились, а в глазах застыла та самая усталость, которая появляется у людей, привыкших всё держать под контролем. Сегодня контроль ускользал.

Рядом с ним, на пассажирском сиденье, Катя листала навигатор, хмурилась и нервно теребила прядь светлых волос.

Ей было двадцать три, она выглядела хрупкой, но в ней чувствовалась упрямая сила: если уж решила ехать — не отступит.

Сзади, на втором ряду, Миша и Света тихо спорили о том, стоило ли вообще сворачивать с главной трассы. Миша был высоким, с широкими плечами и вечно растрёпанными волосами, он старался казаться беззаботным, но сейчас в его голосе слышалась тревога. Света, его девушка, была миниатюрной, с большими карими глазами, которые, казалось, замечали каждую мелочь — и сейчас она замечала, как темнеет лес по обочинам.

На третьем ряду, почти уткнувшись носом в окно, сидел Лёша. Он был самым младшим — всего двадцать лет, с веснушками, которые не исчезали даже осенью, и с той особой юношеской энергией, которая то вспыхивала, то гасла. Сейчас она явно угасала: лес становился всё гуще, дорога — всё хуже.

— Может, вернёмся? — вдруг сказала Света, и её голос прозвучал неожиданно громко в тесном салоне.

— Мы уже почти на месте, — упрямо ответил Артём, хотя сам не был в этом уверен.

— Почти — это когда видно вывеску, а не когда деревья смыкаются над дорогой, как своды пещеры, — пробормотал Миша.

Катя вздохнула и снова посмотрела на экран.

— Здесь нет сигнала. Вообще. Как будто мы выехали за

пределы карты.

Внедорожник трянуло на очередной выбоине, и все невольно вцепились в сиденья. Дорога превратилась в узкую ленту, покрытую гравием и грязью, с глубокими колеями, в которых собиралась тёмная, маслянистая вода. По обе стороны тянулся лес — густой, непроходимый, с деревьями, чьи стволы казались чёрными в сумерках. Ветви сплетались над дорогой, образуя мрачный туннель.

Артём сбавил скорость, вглядываясь в темноту впереди. Где-то там, по словам местного жителя, которого они встретили на заправке, должна была быть турбаза. «Не проедете мимо», — сказал он с ухмылкой, которая Артёму сразу не понравилась.

И вот теперь он понимал почему.

Глава 2. Дом в лесу

Дорога резко ушла вниз, нырнула в овраг, а потом снова полезла вверх, извиваясь, как змея. Внезапно перед ними возник поворот — резкий, почти под прямым углом, с покосившимся знаком, на котором едва можно было разобрать буквы. Артём крутанул руль, машину занесло, и на мгновение показалось, что они сейчас перевернутся. Но внедорожник устоял, хотя и протестующе скрипнул.

За поворотом дорога оборвалась.

Не в смысле «закончилась», а именно оборвалась — как будто кто-то взял и отрезал её ножом. Дальше был только лес, густой и непроглядный, и среди деревьев, в нескольких десятках метров от дороги, стоял дом.

Старый, покосившийся, с тёмными окнами, которые смотрели на них, как пустые глазницы. Крыша прогнила, доски на стенах потемнели от времени и сырости, а крыльцо казалось вот-вот рухнет под первым же шагом.

— Это что, шутка? — прошептала Катя, и в её голосе слышался не гнев, а страх.

— Наверное, мы не туда свернули, — тихо сказал Лёша, и его голос дрогнул.

Миша открыл дверь, и холодный, влажный воздух ворвался в салон, пахнувший прелой листвой, гнилью и чем-то ещё — чем-то металлическим, как запах крови.

— Подожди, — остановил его Артём. — Не выходи.

Но Миша уже стоял на земле, оглядываясь по сторонам.

— Тут никого нет, — сказал он, но сам не верил своим словам.

Из леса донёсся странный звук — не то треск ветки, не то чей-то хриплый смех. Все замерли.

— Кто там? — крикнул Миша, и его голос эхом разнёсся по оврагу, а потом стих, поглощённый тишиной.

Тишина была густой, тяжёлой, она давила на уши, заставляя сердце биться чаще.

Вдруг из темноты, со стороны дома, появилась фигура.

Она двигалась медленно, неуклюже, будто ноги не слушались. Фигура была высокой, сторбленной, в грязной, изодранной одежде. Лицо скрывала тень, но даже в полумраке было видно, что оно искажено — не эмоциями, а чем-то другим, чем-то неправильным.

— Эй! — снова крикнул Миша, но на этот раз в его голосе не было уверенности.

Фигура остановилась. Потом подняла голову, и в темноте блеснули глаза — холодные, пустые, без намёка на человечность.

И тогда они поняли: это не человек.

Или не совсем человек.

Глава 3. Ловушка

Фигура двинулась к ним, и одновременно из леса, со всех сторон, начали появляться другие. Они выходили из темноты бесшумно, как тени, и становились полукругом, отрезая путь к машине.

Их было пятеро или шестеро — трудно было сосчитать, потому что они двигались странно, дёргано, как марионетки, у которых перерезали нити. Одежда на них висела лохмотьями, кожа была бледной, почти серой, а лица... Лица были изуродованы — не шрамами, а самой природой: перекошенные рты, выпученные глаза, деформированные носы.

Один из них, самый крупный, вышел вперёд. Его левая рука была странной — пальцы срослись, напоминая когти, а на предплечье виднелись старые, грубые шрамы. В правой руке он держал топор — ржавый, с зазубренным лезвием, которое тускло поблёскивало в последних лучах заката.

— Бегите! — заорал Артём, и этот крик прорвал оцепенение.

Все бросились к машине, но было поздно. Кто-то из чудовищ метнулся вперёд, и Лёша, бежавший последним, споткнулся. Он упал, ударившись коленом о камень, и вскрикнул от боли.

Существо с топором оказалось рядом в мгновение ока. Оно наклонилось, схватило Лёшу за волосы, запрокинуло

ему голову. Лезвие сверкнуло.

Кровь брызнула тёплой струёй, окропив траву и камни. Лёша издал короткий, хриплый звук, похожий на всхлип, и обмяк.

Катя закричала, но крик оборвался, когда чья-то рука схватила её сзади. Она пыталась вырваться, царапалась, била ногами, но хватка была железной.

Миша бросился на помощь, но другой монстр, низкий и коренастый, с лицом, напоминавшим звериную морду, ударил его дубиной по спине. Миша рухнул на колени, хватая ртом воздух, а существо подняло дубину снова. Удар пришёлся по затылку. Миша упал лицом в грязь, и его тело дёрнулось в последней судороге.

Артём и Света остались вдвоём, прижавшись друг к другу, окружённые кольцом чудовищ. Они смотрели на монстров, а те смотрели на них — без эмоций, без жалости, как на добычу.

Самый крупный из них, тот, что убил Лёшу, шагнул вперёд и медленно, с наслаждением, слизнул кровь с лезвия топора.

— Нет, — прошептал Артём, и это слово прозвучало как молитва.

Но молиться было некому.

Лес поглотил их крики.

Глава

Глава 4. В логове чудовищ

Ночь накрыла лес плотной, непроницаемой тьмой. Не было ни звёзд, ни луны — будто небо специально затянули тяжёлой, влажной тканью, чтобы никто не смог разглядеть, что творится внизу.

Артём и Света стояли посреди двора перед тем самым домом, окружённые фигурами, которые всё ещё не шевелились, но и не расходились. Их молчание было страшнее криков: оно звучало как приговор.

Света дрожала, прижимаясь к Артёму, её пальцы впивались в его рукав так, что, казалось, могли прорвать ткань. Её карие глаза, обычно такие внимательные, сейчас были расширены от ужаса, а по щеке медленно катилась слеза, которую она даже не замечала. Артём чувствовал, как бешено колотится его собственное сердце, и изо всех сил старался не дать панике прорваться наружу.

— Идите за мной, — прохрипел главный, тот, что с топором. Голос у него был низкий, скрежещущий, будто слова царапали горло изнутри. Он повернулся и пошёл к дому, не оглядываясь, уверенный, что они последуют.

Остальные расступились, образуя узкий проход, по которому Артёму и Свете пришлось идти, словно по коридору из кошмара. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, а воз-

дух становился всё тяжелее, пропитанный запахом сырости, гнили и чего-то сладковатого, от чего к горлу подкатывала тошнота.

Скрипучая дверь распахнулась, будто сама по себе, и их втолкнули внутрь.

Внутри дом оказался ещё страшнее, чем снаружи. Пол был покрыт толстым слоем пыли, в которой виднелись странные, нечеловеческие следы — длинные, с глубокими отпечатками когтей. Стены, когда-то обшитые досками, теперь были исцарапаны, будто кто-то отчаянно пытался выбраться наружу. В углу валялись обрывки ткани, старые верёвки, потемневшие от времени, а на полу, возле очага, лежали кости — мелкие, похожие на птичьи, и крупные, человеческие.

В центре комнаты стоял грубо сколоченный стол, на котором лежали инструменты: ржавые ножи, пилы, крюки — всё это выглядело так, будто его использовали не для работы, а для чего-то гораздо более зловещего.

Существа разошлись по углам, сливаясь с тенью, и только главный остался стоять у двери, перекрывая единственный выход. Его глаза, холодные и пустые, не отрывались от пленников.

— Что вам нужно? — голос Артёма прозвучал хрипло, будто он давно не говорил, хотя прошло всего несколько часов с тех пор, как они выехали из города.

Монстр не ответил. Вместо этого он медленно поднял то-

пор, провёл пальцем по зазубренному лезвию, и на ржавом металле осталась тонкая полоска свежей крови — видимо, от пореза. Он улыбнулся, и эта улыбка была самой жуткой вещью, которую Артём когда-либо видел: в ней не было ни радости, ни веселья — только первобытная, звериная жестокость.

Света тихо всхлипнула и прижалась к Артёму ещё сильнее. Он обнял её, пытаясь хоть как-то защитить, хотя понимал, что в этом доме никакая защита не поможет.

Внезапно из темноты в дальнем углу комнаты раздался тихий, едва уловимый звук — скрежет, похожий на царапанье по дереву. Оба вздрогнули и повернули головы, но в темноте ничего нельзя было разглядеть.

И тут из тени выступила ещё одна фигура. Она была ниже остальных, почти сгорбленная, с длинными, неестественно тонкими руками, которые свисали почти до колен. Лицо её было скрыто под капюшоном, но из-под ткани выглядывали пряди седых, спутанных волос.

Она подошла к столу, взяла один из ножей и провела пальцем по лезвию, проверяя остроту. Движение было почти обыденным, как у хозяйки, готовящейся резать овощи, и от этого становилось ещё страшнее.

— Не трогайте её, — снова попытался Артём, на этот раз твёрже, хотя внутри всё сжималось от страха. — Мы ничего вам не сделали.

Фигура в капюшоне медленно подняла голову. Лицо ока-

залось искажённым, перекошенным, с одним глазом, который смотрел прямо на них, а второй был затянут мутной плёнкой. Она открыла рот, и из него вырвался тихий, шипящий смех, похожий на звук ветра в пустых трубах.

Главный монстр сделал шаг вперёд, и его тень накрыла Артёма и Свету, словно предвещая конец.

— Здесь нет места для жалости, — проговорил он, и каждое слово звучало как удар молота. — Этот лес давно забыл, что такое милосердие.

Глава 5. Побег или смерть

Артём лихорадочно искал выход. Взгляд метался по комнате, цепляясь за каждую деталь: окно с забитыми досками, тяжёлые балки под потолком, очаг, в котором давно не горел огонь. Всё говорило о том, что этот дом строили не для жизни, а для удержания пленников.

Вдруг он заметил в углу старую лестницу, ведущую наверх, на чердак. Она выглядела хлипкой, готовой рухнуть от первого же шага, но это был единственный шанс.

— Света, — тихо прошептал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Когда я скажу, беги к лестнице. Не оглядывайся, просто беги.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло понимание, смешанное с ужасом. Она едва заметно кивнула, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

Главный монстр тем временем подошёл ближе, поднимая топор. Лезвие сверкнуло в тусклом свете, отражая тени, которые плясали по стенам, словно живые.

— Сейчас! — крикнул Артём и резко рванулся вперёд, прямо на монстра, надеясь отвлечь его внимание.

Света метнулась в сторону, её лёгкие шаги почти не были слышны на пыльном полу. Она добежала до лестницы, схватилась за перила и начала подниматься, ступени скрипели и прогибались под её весом.

Монстр взревел, звук был таким оглушительным, что казалось, стены дома задрожали. Он замахнулся топором, но Артём успел увернуться, почувствовав, как холодный воздух коснулся его лица, а лезвие врезалось в пол, оставив глубокую щель в гнилых досках.

Пока главный монстр вытаскивал топор, Артём отскочил в сторону и бросился к лестнице. Он слышал, как позади него шевелятся другие существа, как их когти царапают пол, приближаясь.

Он взлетел по ступеням, перепрыгивая через две сразу, и едва успел схватить Свету за руку, когда они оказались на чердаке. Здесь было ещё темнее, пахло плесенью и чем-то кислым. В дальнем углу виднелся небольшой люк, ведущий на крышу.

— Туда, — прошептал Артём, указывая на люк.

Они добрались до него, и Артём потянул за ржавое кольцо. Люк открылся с пронзительным скрипом, который, казалось, разнёсся по всему дому. Холодный ночной воздух ворвался внутрь, принося с собой запах дождя и свободы.

Они выбрались на крышу, и перед ними раскинулся лес — бесконечный, тёмный, пугающий, но всё же лучше, чем то, что осталось внизу.

Снизу донёсся яростный рёв, и Артём понял: монстры уже поднимаются за ними.

Крыша была покатой, покрытой гнилой дранкой, которая крошилась под ногами. Артём и Света скользнули вниз, цеп-

ляясь за выступы, стараясь не сорваться. Внизу, под крышей, тянулся узкий карниз, по которому можно было добраться до соседнего дерева — огромного, раскидистого дуба, чьи ветви почти касались дома.

— Прыгай на карниз, — крикнул Артём, когда они добрались до края крыши.

Света кивнула, сглотнула и сделала шаг вперёд. Её нога скользнула по мокрой дранке, и она едва не сорвалась, но Артём успел схватить её за руку и удержать.

— Держись, — прошептал он, и в этот момент из люка на крыше показалась первая фигура — та самая, в капюшоне. Её длинные, тонкие руки потянулись к ним, когти сверкнули в темноте.

Света оттолкнулась и прыгнула, приземлившись на узкий карниз. Она прижалась к стене, стараясь не смотреть вниз, где чернела пропасть. Артём последовал за ней, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

Фигура на крыше зашипела, её искажённое лицо исказилось в гримасе ярости. Она наклонилась, пытаясь дотянуться до них, но карниз был слишком узким, и она не могла удержаться.

Артём и Света поползли вдоль стены, к дубу. Ветви дерева манили, обещая спасение, но до них было ещё несколько метров.

Когда они наконец дотянулись до ближайшей ветки, то вцепились в неё так, будто это была единственная вещь, спо-

собная удержать их в этом мире. Они перебрались на дерево, спускаясь всё ниже, пока не оказались на земле.

Под ногами была холодная, влажная трава, пахнувшая землёй и дождём. Лес снова окружил их, но теперь он казался не таким враждебным — по крайней мере, здесь не было этих чудовищ.

Они бежали, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и натываясь на кусты. Ветви хлестали по лицу, царапали кожу, но они не чувствовали боли — только страх, который гнал их вперёд.

Позади, в глубине леса, раздавались хриплые крики и треск ломающихся веток — монстры преследовали их.

Глава 6. Ловушка в чаще.

Лес будто ожил и теперь сам охотился на них: корни цеплялись за ноги, мокрые ветви хлестали по лицу, оставляя на коже тонкие, жгучие царапины. Артём и Света бежали, почти не разбирая дороги, и с каждым шагом силы таяли, а страх становился тяжелее, наливался свинцом.

Света споткнулась о выступающий корень и упала на колени, глухо вскрикнув. Артём резко остановился, развернулся и потянул её вверх, не давая ни секунды на передышку.

— Вставай! Они рядом! — прохрипел он, чувствуя, как от напряжения сводит челюсть.

Она кивнула, стирая с лица смесь дождя и слёз, и снова рванулась вперёд.

Внезапно деревья расступились, и перед ними возникла

поляна — странная, неестественно ровная, будто её специально расчистили. В центре поляны темнел провал: старый, полузасыпанный колодец, края которого были обложены почерневшими от времени брёвнами. Вокруг него лежали камни, выложенные по кругу, словно какой-то мрачный ритуал.

Артём хотел было обойти поляну стороной, но сзади уже слышался треск ломающихся веток и хриплое, звериное дыхание. Монстры настигали.

— Туда, — Артём кивнул на густой кустарник по краю поляны, где между деревьями виднелся узкий проход. — Там плотнее, им будет сложнее пролезть.

Они метнулись к зарослям, продираясь сквозь колючки, которые рвали одежду и впивались в кожу. Света тихо шипела от боли, но не останавливалась.

Но монстры оказались хитрее.

Из-за деревьев, прямо перед ними, выскользнул один из них — низкий, коренастый, с лицом, напоминавшим звериную морду. Он ощерился, обнажив жёлтые, неровные зубы, и поднял дубину, на которой темнели бурые пятна.

Артём толкнул Свету назад, закрывая её собой, и в тот же миг из темноты справа метнулась ещё одна фигура. Они оказались зажаты в клещи.

Главный монстр, тот, что с топором, вышел на поляну. Его глаза блестели в темноте, как два уголька, а на губах играла та самая жуткая улыбка. Он медленно поднял топор, и ржавое лезвие тускло блеснуло.

— Думаете, лес вас спрячет? — проскрежетал он, и голос его звучал так, будто слова рождались где-то глубоко в груди, прорываясь сквозь хрип и кашель. — Этот лес — наш дом. Здесь каждая тропа помнит наши шаги. Здесь каждый куст — наш союзник.

Света вцепилась Артёму в рукав, её пальцы дрожали.

— Что вам нужно? — снова выкрикнул Артём, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё сжималось от ужаса. — Мы просто заблудились!

Монстр сделал шаг вперёд, и тут из темноты, со стороны колодца, раздался тихий, едва уловимый звук — скрежет металла по камню. Все замерли.

Из тени выступила фигура в капюшоне — та самая, с неестественно длинными руками. Она держала в пальцах тонкую, изогнутую иглу, покрытую тёмной коркой. Её единственный зрячий глаз уставился на Свету, и в этом взгляде не было ничего человеческого — только холодная, расчётливая жестокость.

— Они любят играть, — прошептала фигура неожиданно высоким, почти детским голосом, от которого по спине пробежал мороз. — Но сегодня мы не будем играть. Сегодня мы закончим.

И в этот момент земля под ногами Артёма дрогнула.

Он почувствовал, как почва уходит из-под ног, и понял: они стоят на замаскированной ловушке. Тонкий слой мха и веток скрывал глубокую яму, дно которой было утыкано за-

острѣнными кольями.

— Назад! — заорал Артѣм, хватая Свету и дѣргая её на себя.

Но было поздно.

Земля провалилась, и Света исчезла в темноте с коротким, сдавленным криком. Артѣм рухнул на колени у края ямы, протягивая руки, но дотянуться не мог.

Внизу, в темноте, раздался тихий стон.

Монстры окружили Артѣма плотным кольцом. Главный монстр подошёл вплотную, наклонился и прошептал ему прямо в ухо:

— Теперь ты один. А одному здесь не выжить.

Глава 7. Цена спасения

Артём не слышал слов монстра. Он видел только край ямы, чувствовал запах сырости и крови, который поднимался снизу, и понимал: если он сейчас поддастся панике, Света погибнет.

Он отполз от края, оглядываясь в поисках хоть чего-то, что могло бы помочь. Взгляд зацепился за толстую ветку, лежащую неподалёку. Артём схватил её, проверил на прочность и снова подполз к яме.

— Света! — крикнул он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Держись! Я тебя вытащу!

Снизу донёсся слабый, дрожащий голос:

— Я... я зацепилась за выступ... но он крошится...

Артём просунул ветку в яму, стараясь держать её как можно ровнее.

— Хватайся за неё! Крепко! Не смотри вниз!

В темноте мелькнула рука, пальцы судорожно вцепились в ветку. Артём напряг все мышцы, упираясь ногами в землю, и потянул.

Света вылазила медленно, с трудом, её руки дрожали, а лицо было покрыто грязью и кровью от царапин. Когда она наконец выбралась, они обнялись на секунду, не говоря ни слова, потому что любые слова сейчас были лишними.

Но эта секунда стоила им времени.

Монстры не спешили нападать. Они стояли вокруг, наблюдая, как люди борются за жизнь, и в их искажённых лицах читалось странное удовольствие — будто они наслаждались каждым мгновением чужого ужаса.

Главный монстр шагнул вперёд и резко взмахнул топором. Лезвие рассекло воздух в сантиметре от плеча Артёма.

— Довольно игр, — прорычал он. — Пора заканчивать.

И тут из глубины леса донёсся новый звук — не треск веток и не хриплый смех чудовищ, а низкий, протяжный вой сирены. Он был далёким, едва слышным, но в нём чувствовалась цивилизация, порядок, спасение.

Все монстры замерли. Их головы повернулись в сторону звука, и на мгновение в их глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Это... это поисковики, — прошептал Артём, цепляясь за эту мысль, как за спасательный круг. — Кто-то нас ищет!

Фигура в капюшоне зашипела, её длинные пальцы сжались в когти.

— Они не найдут вас здесь, — прошипела она. — Никто не находит.

Но вой сирены звучал всё ближе.

Главный монстр резко махнул рукой, и монстры начали отступать, растворяясь в темноте, сливаясь с тенями, пока от них не осталось ничего, кроме запаха гнили и ощущения ледяного взгляда, который всё ещё следил из темноты.

Артём и Света остались одни на поляне. Дождь усилился, смывая с кожи грязь и кровь, но не мог смыть ужас, застывший в глазах.

— Мы должны идти на звук, — сказал Артём, помогая Свете подняться. — Пока они не передумали.

Они двинулись вперёд, пробираясь через лес, и с каждым шагом вой сирены становился громче, а тьма — чуть менее плотной.

Где-то впереди, за деревьями, мелькнул свет фонарика.

Глава 8. Свет среди тьмы.

Луч фонарика скользнул по мокрым стволам, выхватил из темноты мокрые листья, капли дождя, дрожащие на ветках, и наконец упёрся в Артёма и Свету. Они стояли, прижавшись друг к другу, и даже не сразу поняли, что это не новый кошмар, а спасение.

— Стойте на месте! — громко, чётко, по-военному командовал мужской голос из темноты. — Не двигайтесь!

Из-за деревьев вышли трое: двое в форме поисково-спасательного отряда, с рациями и тяжёлыми болотными сапогами, облепленными грязью, и один в обычной куртке, но с таким же усталым, напряжённым лицом, как бывает у тех, кто ищет людей в лесу не первый раз.

Старший группы подошёл ближе, держа фонарь так, чтобы не слепить, но хорошо видеть лица. Это был крепкий мужчина лет сорока пяти, с короткой седой щетиной и внимательными серыми глазами. На плече у него висела аптеч-

ка.

— Вы живы? — спросил он, и в этом вопросе было столько напряжения, будто от ответа зависело что-то очень важное.

Артём кивнул, но голос не слушался. Света тихо вскрикнула и вдруг разрыдалась, уткнувшись Артёму в плечо.

— Мы... мы не одни были тут, — наконец выдавил Артём, с трудом подбирая слова. — Тут... существа. Монстры. Они... убили остальных.

Спасатель переглянулся с напарником. В этом взгляде Артём успел прочесть и скепсис, и сочувствие: в лесу люди часто видят то, чего нет, когда страх доводит до края. Но старший не стал спорить.

— Сначала выведем вас. Потом расскажете всё. Медленно, по порядку.

Он накинул на Свету тёплый спасательный плед, пахнущий дымом и аптекой, и аккуратно, но твёрдо взял её под локоть.

— Идите за мной. Тропа узкая, скользкая. Держитесь ближе.

Они двинулись через лес, но теперь это был уже другой лес. Не живой, не охотящийся, а просто мокрый, холодный и усталый. Каждый шаг давался тяжело, но с каждым метром страх понемногу отступал, сменяясь тупой усталостью и дрожью, которая била тело изнутри.

Через двадцать минут они вышли на небольшую просеку,

где стоял вездеход спасателей. Рядом дымился костёр, от которого тянуло запахом горелых веток и крепкого чая. У машины суетились ещё двое — один проверял рацию, другой раскладывал термоодеяла.

Артёма и Свету усадили на откидные сиденья, дали тёплые кружки с чаем, который был слишком сладким, слишком горячим, но именно таким, каким и должен быть чай после кошмара.

— Рассказывайте, — спокойно, без нажима, попросил старший спасатель, присаживаясь напротив.

И Артём рассказал. Про поворот не туда, про дом с инструментами, про яму с кольями, про фигуры в темноте и про голос главного монстра: «Этот лес — наш дом».

Когда он закончил, в воздухе повисла тишина, нарушаемая только треском костра и далёким уханьем совы. Спасатель медленно кивнул, будто слышал не бред измученного человека, а что-то, к чему был готов.

— Я знаю это место, — тихо сказал он. — Старый охотничий домик. Его давно обходят стороной. Ещё в девяностых там пропала группа туристов. А потом ещё одна. Официально — заблудились, не справились с погодой. Но местные... местные говорят иначе.

Света подняла на него красные от слёз глаза.

— А вы... вы верите нам?

Спасатель помолчал, потом достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо газетную вырезку. Бумага была пожел-

тевшей, края потрёпанными. Он развернул её и положил на колено.

— Это статья из районной газеты за 1978 год. Там писали про «необычные происшествия» в этом районе. Про следы, которые не похожи на человеческие. Про людей, которые возвращались... не совсем такими, какими уходили. И про семью, которая жила в том доме. Говорили, что они сторожили лес. Или, может, сами стали частью леса.

Артём взгляделся в чёрно-белую фотографию: на ней был тот самый дом, только ещё крепкий, с ровной крышей. На крыльце стояли трое — мужчина, женщина и подросток. Лица у них были спокойные, но в глазах читалось что-то странное, будто они знали тайну, которую никому нельзя рассказывать.

— Что с ними стало? — прошептала Света.

— Пропали. В один день. Дом остался. А лес... лес будто запомнил их.

Рация на поясе спасателя щёлкнула, и женский голос прозвучал:

— База вызывает группу два. Приём.

Он взял трубку, коротко ответил, потом снова посмотрел на Артёма и Свету.

— Сейчас приедет скорая. Вас осмотрят, отвезут в больницу. А потом... потом будет полиция, вопросы, протоколы. Но это потом. Сейчас главное — вы в безопасности.

Но даже эти слова не смогли до конца прогнать холод, ко-

торый всё ещё жил где-то внутри.

Глава 9. Тени не уходят

В больнице всё было ярким, слишком чистым и слишком громким: скрип тележек, голоса медсестёр, писк приборов. Артёму казалось, что этот свет режет глаза, а любой звук отдаётся в висках.

Свете наложили швы на глубокие царапины, обработали ссадины и велели оставаться под наблюдением хотя бы на сутки. Артёму досталось меньше — только порезы и ушибы, но врач всё равно настоял на осмотре: шок, переохлаждение, стресс.

Когда они наконец остались одни в палате, тишина стала почти невыносимой.

— Думаешь, нам поверят? — тихо спросила Света, глядя в потолок.

Артём сжал кулаки.

— Должны. Есть следы. Яма. Дом. Инструменты.

Она повернула голову и посмотрела на него так, будто пыталась найти в его лице уверенность, которой не хватало самой.

— А если это не просто дом? Если это... что-то большее? Если лес действительно живой?

Он не знал, что ответить.

Утром пришёл следователь — молодой, собранный, с папкой и блокнотом. Он слушал их рассказ спокойно, не пере-

бивая, только иногда делал короткие пометки.

— Мы уже направили группу к дому, — сказал он в конце. — И к поляне с колодецем. Если там есть следы, мы их найдём.

Но когда через несколько часов он вернулся, лицо у него было другим. Усталым. Слегка растерянным.

— Там ничего нет, — тихо произнёс он, опуская папку на стол. — Ни дома, ни ямы, ни следов. Только старый колодец, заросший мхом. И... странные камни, выложенные кругом. Будто когда-то был какой-то ритуал.

Артём почувствовал, как внутри всё обрывается.

— Но мы же не сошли с ума! — голос Светы дрогнул. — Мы это видели!

Следователь не стал спорить. Он достал из папки ещё одну бумагу — ксерокопию страницы из старого архива. На ней был план местности, где красным карандашом обведён тот самый участок леса. Рядом стояла пометка: «Зона с ограниченной доступностью. Посещение запрещено».

— Этот район десятилетиями считался «проблемным». Были жалобы. Странные звуки. Пропажи. Но каждый раз, когда приезжали специалисты, всё выглядело... обычным. Как будто лес прятал свои тайны.

Артём смотрел на карту и чувствовал, как реальность трескается по швам.

— Значит, нас никто не услышит, — прошептал он.

— Услышат, — возразил следователь, и в его голосе про-

звучала твёрдость. — Я вам верю. Не потому, что есть доказательства. А потому, что я видел такие глаза у людей, которые говорят правду.

Он положил на стол ещё один лист — заявление.

— Напишите всё ещё раз. Подробно. Каждый звук, каждый взгляд, каждую тень. Чем больше деталей, тем лучше. Это не просто протокол. Это... свидетельство.

Эпилог. Дорога назад

Через неделю Артём и Света наконец смогли вернуться в город. Всё казалось чужим: шум машин, яркие вывески, люди, спешащие по своим делам. Для них мир стал другим — более хрупким, более странным.

Однажды вечером Артём сидел у окна и перебирал фотографии на телефоне: они с друзьями перед поездкой, смеющиеся, беззаботные. Теперь эти лица смотрели на него с другой стороны жизни.

Вдруг на экране высветилось уведомление — сообщение от старшего спасателя:

«Нашли в доме старую тетрадь. Записи странные, будто кто-то пытался описать, как лес меняет людей. Пришлю фото страниц. И ещё: не возвращайтесь туда. Даже если покажется, что нужно. Лес не любит, когда его тайны трогают дважды».

Артём закрыл телефон и посмотрел в темноту за окном. Где-то там, за городом, тянулся лес, густой и молчаливый. И ему вдруг показалось, что лес тоже смотрит на него.

Света подошла, села рядом, положила голову ему на плечо.

— Мы выжили, — тихо сказала она.

Артём обнял её и кивнул.

— Да. Но что-то осталось с нами. Что-то из того леса.

И в эту секунду ему показалось, что в дальнем углу комнаты шевельнулась тень — совсем чуть-чуть, едва заметно. Как будто кто-то прошёл мимо, не касаясь пола.

«Обратный отсчёт»

Глава 1. Предчувствие

Терминал аэропорта гудел, как растревоженный улей: объявления о вылетах сливались в монотонный гул, тележки грохотали по плитке, люди спешили, будто от скорости шага зависело, успеют ли они на рейс. В этом хаосе Кирилл стоял у окна и смотрел на самолёт, который должен был унести его и друзей в долгожданный отпуск.

Ему было двадцать четыре. Высокий, худощавый, с тёмными волосами, слегка отросшими и вечно падающими на лоб, он выглядел так, будто только что проснулся и ещё не до конца поверил, что день начался. В его серых глазах сейчас читалось не предвкушение, а странная, тяжёлая тревога, которую он не мог объяснить.

Рядом с ним, не умолкая ни на секунду, тараторила Лера. Ей было двадцать два, она носила короткие светлые волосы, подстриженные неровно, будто в спешке, и яркие браслеты, которые звенели при каждом движении. Она смеялась, показывала что-то в телефоне, тянула Кирилла за рукав — а он всё смотрел на самолёт и чувствовал, как внутри нарастает ледяной ком.

Дима, их общий друг, стоял чуть поодаль, прислонившись

к колонне. Он был крепким, широкоплечим, с лёгкой щетиной и привычкой хмуриться, будто мир постоянно предлагал ему что-то, с чем он был не согласен. Сейчас он поглядывал то на часы, то на Кирилла, будто пытался понять, что с тем не так.

А Настя, тихая и задумчивая, сидела на чемодане и листала книгу, не читая, просто водя пальцем по строчкам. У неё были длинные тёмно-каштановые волосы, собранные в небрежный хвост, и большие карие глаза, в которых всегда пряталась какая-то грусть. Она редко говорила первой, но если уж говорила — её слушали.

— Кир, ты чего застыл? — Лера щёлкнула пальцами перед его лицом. — Мы сейчас опоздаем!

Он моргнул, будто выныривая из воды.

— Не знаю... Мне кажется, не надо лететь.

Дима фыркнул, но в этом фыркание не было настоящей насмешки.

— Ты серьёзно? Мы билеты купили, отель оплатили. Ты просто перенервничал.

И тут время будто сломалось.

Кирилл не успел ничего ответить, как перед глазами вспыхнула картина — яркая, резкая, как удар током. Он увидел, как самолёт отрывается от земли, как двигатели ревут, а потом... потом что-то щёлкает, металл скрипит, и крыло начинает гнуться, как фольга. Он увидел пламя, летящие обломки, чёрные клубы дыма, поднимающиеся к небу. Он уви-

дел лица людей — своих друзей, застывшие в крике, который никто не услышит.

Картинка исчезла так же внезапно, как появилась. Кирилл пошатнулся, схватился за подоконник, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

— Там что-то случится, — прошептал он, глядя на друзей, но видя перед собой не их, а тот огненный кошмар. — С самолётом. Сейчас.

Лера нахмурилась, её весёлость растаяла, как лёд в кипятке.

— Ты пугаешь меня, Кир.

Дима шагнул ближе, положил руку ему на плечо.

— Эй, спокойно. Давай просто пройдем на посадку, ладно? Там будет не до страхов.

Но Кирилл уже не слышал. Он рванулся вперед, к выходу из зоны ожидания, таща за собой Леру, которая спотыкалась на каблуках и кричала что-то неразборчивое. Дима и Настя бросились за ними.

У стойки регистрации Кирилл остановился, тяжело дыша, и закричал:

— Там будет авария! Не пускайте людей! Сейчас!

Кто-то из сотрудников нахмурился, кто-то потянулся к кнопке вызова охраны. Но в этот момент из динамиков раздался резкий, металлический голос:

— Внимание! Рейс 237 задерживается по техническим причинам. Просим пассажиров сохранять спокойствие.

В зале повисла тишина, нарушаемая только чьим-то всхлипом и тихим плачем ребёнка.

А потом, через несколько секунд, снаружи, на взлётной полосе, прогремел взрыв.

Пламя взметнулось вверх, окрашивая серое небо в багровый цвет. Осколки металла разлетались, как шрапнель, вонзаясь в асфальт и стекло. Люди кричали, бежали, падали.

Кирилл стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу, и шептал:

— Я видел. Я знал.

Глава 2. Цена спасения

Их допрашивали долго, по очереди, потом вместе, потом снова по отдельности. Следователи смотрели на них с подозрением, смешанным с тревогой, будто боялись, что эти пятеро знают что-то такое, от чего волосы встают дыбом даже у бывалых.

Кирилл сидел на жёстком стуле, сжимая и разжимая кулаки, и снова и снова повторял одно и то же:

— У меня было видение. Я не знаю, как. Но я видел.

Следователь, седой мужчина с усталыми глазами, кивнул, будто слышал подобное не в первый раз.

— Бывает. Стресс, перегрузка. Мозг рисует картинки.

— Это не картинка, — упорно повторил Кирилл.

Когда их наконец отпустили, они вышли на улицу, где воздух пах гарью и дождём. Лера плакала, уткнувшись Диме в плечо. Настя стояла, обхватив себя руками, будто пыталась удержать внутри то, что рвалось наружу. Дима смотрел на небо, где ещё висел тёмный след от дыма, и молчал.

— Мы живы, — тихо сказала Настя, будто проверяя, имеет ли это слово смысл.

Кирилл хотел согласиться, но слова застряли в горле.

Потому что в ту же секунду он почувствовал это — холодное, липкое ощущение, будто кто-то провёл ледяными пальцами по его спине. Будто кто-то смотрел на них и был недо-

ВОЛЕН.

Глава 3. Первый ход

Через три дня они собрались в квартире Димы — не потому, что хотели, а потому, что поодиночке становилось страшнее. Квартира была небольшой, захламлённой, с запахом кофе и старых книг, и в ней было почти уютно. Почти.

Дима разлил по кружкам остывший кофе и сел напротив Кирилла.

— Слушай, я не хочу звучать как псих, но... мне кажется, нам надо держаться вместе. Пока не поймём, что происходит.

Настя кивнула, не поднимая глаз.

— Я читала про такие случаи. Когда люди избегают смерти, она... приходит за ними другим путём.

Лера вздрогнула.

— Перестань. Это бред.

Но в её голосе не было уверенности.

В этот момент за окном что-то грохнуло. Все подскочили. Это был мусорный бак, упавший от порыва ветра. Но напряжение не спало.

А вечером, когда Лера возвращалась домой, Смерть сделала свой первый ход.

Она шла по тротуару, обходя лужи, и думала о том, что надо купить молока. В наушниках играла песня, которая раньше заставляла её улыбаться, а теперь казалась глупой и

неуместной.

Над ней, на пятом этаже старого дома, рабочий чинил водосточную трубу. Он был пьян, невнимателен, и страховочный трос оказался перетёртым.

Никто не заметил, как тяжёлый металлический профиль сорвался с креплений. Он летел вниз, вращаясь, как лезвие гильотины, разрезая воздух.

Лера подняла голову за секунду до удара. Её глаза расширились, в них отразилось небо, серое и равнодушное.

Удар был коротким и страшным. Кровь брызнула на асфальт, на стену дома, на чьи-то цветы на подоконнике.

Когда Кирилл узнал об этом, он сел на пол в коридоре и закрыл лицо руками.

— Она не должна была умереть, — шептал он. — Мы же спаслись.

Но кто-то наверху уже вёл свой счёт.

Глава 4. Цепная реакция

Смерть не любила, когда её планы нарушали. И теперь она исправляла ошибку методично, безжалостно, выстраивая события так, чтобы каждый шаг выживших вёл их к краю.

Через два дня погиб Дима.

Он ехал на машине, стараясь не думать о Лере, о том, как её нет, и о том, что это только начало. Дорога была мокрой, асфальт блестел, как чёрный лёд.

Грузовик впереди резко затормозил. Дима ударил по тормозам, машину занесло. Он боролся с рулём, чувствуя, как резина визжит, а мир вокруг превращается в размытую картинку.

Машину вынесло на встречную полосу. Из-за поворота вылетел автобус.

Столкновение было чудовищным. Металл скрежетал, стекло разлеталось на тысячи осколков, похожих на ледяные иглы.

Дима успел подумать только одно: «Кирилл, прости».

А потом наступила тишина.

Кирилл и Настя сидели в квартире, которую теперь было страшно называть «своей», и слушали новости. Голос диктора буднично перечислял детали аварии, как будто речь шла не о жизни и смерти, а о погоде.

— Это не случайность, — прошептал Кирилл, и его голос

звучал чужим, ломким. — Это она. Смерть. Она забирает нас.

Настя посмотрела на него, и в её глазах он увидел то, чего боялся больше всего: согласие.

Глава 5. Погоня за временем

Они решили бежать. Не потому, что верили, что смогут скрыться, а потому, что сидеть на месте было невыносимо.

Они сели в старую машину Кирилла — потрёпанную, но надёжную, с запахом бензина и дешёвого освежителя воздуха. Кирилл вцепился в руль, словно это был спасательный круг. Настя сидела рядом, глядя вперёд, будто пытаясь разглядеть в темноте то, что приближалось к ним.

Город остался позади, сменившись тёмной лентой трассы, по обе стороны которой тянулся лес — густой, непроглядный, будто готовый поглотить любую машину, которая осмелится проехать мимо.

Дождь начал накрапывать, сначала робко, потом всё сильнее, превращая дорогу в зеркальную полосу, в которой отражались фары встречных машин — как глаза хищников.

Кирилл сбавил скорость, но дорога будто сама толкала их вперёд.

Вдруг на приборной панели вспыхнула лампочка — давление масла.

— Чёрт, — пробормотал Кирилл, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Машина дёрнулась, потом ещё раз, и вдруг заглохла прямо посреди трассы.

Они остановились в темноте, окружённые шумом дождя

и тишиной, которая была страшнее любого крика.

Кирилл попытался завести двигатель. Ничего.

— Выходи, — тихо сказала Настя. — Надо уйти с дороги.

Они вышли под дождь, который хлестал по лицам, смывая остатки спокойствия.

И в этот момент Кирилл увидел это: из темноты, со стороны леса, медленно выезжал грузовик. Его фары были разбиты, одна горела тускло, другая мигала, как нервный тик. Он ехал прямо на них, не сбавляя скорости, будто не видел их, будто они уже не имели значения.

— Беги! — заорал Кирилл, хватая Настю за руку.

Они рванулись к обочине, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова.

Грузовик пронёсся мимо, задев зеркало машины, сорвав его с креплений. Металл взвизгнул, как живое существо.

Они упали в кювет, в холодную, грязную воду, и лежали там, дрожа, слушая, как удаляется рёв двигателя.

— Мы опять обманули её, — прошептала Настя, но в её голосе не было радости.

Кирилл посмотрел на неё и понял: это не победа. Это лишь передышка.

Эпилог. Обратный отсчёт

Они добрались до маленького придорожного мотеля, где пахло сыростью и старым деревом, и сняли комнату на одну ночь. Кирилл сидел на краю кровати, глядя в окно, за которым дождь всё ещё стучал по крыше, как пальцы по клавишам пианино.

Настя подошла, села рядом, положила голову ему на плечо.

— Что теперь? — спросила она.

Кирилл не знал. Он только чувствовал, как где-то внутри тикает невидимый механизм, отсчитывая секунды до следующего удара.

И он знал: Смерть не прощает. И не забывает.

Где-то далеко, в темноте, что-то шевельнулось.

«Проклятый город»

Глава 1. Телефонный звонок

Город Вудсборо давно научился притворяться тихим. По ночам он натягивал на себя одеяло из темноты, прятал пустые улицы за силуэтами домов и делал вид, что в нём не бывает ничего страшнее дождя. Но Кейси Беккер знала: в темноте всегда кто-то смотрит.

Ей было семнадцать. Высокая, стройная, с густыми каштановыми волосами, которые она собирала в небрежный хвост, и большими карими глазами, в которых то и дело вспыхивало упрямство. Она была из тех девушек, что улыбаются, даже когда внутри всё сжимается от страха, и спорят, когда проще согласиться.

Дом стоял на окраине, окружённый высокими соснами, чьи ветви царапали крышу в ветреные ночи. Внутри пахло ванилью и старым деревом — мама любила зажигать свечи, будто хотела отогнать не только тьму, но и то, что пряталось в ней. На кухне тихо шипел попкорн, а Кейси сидела на полу, прислонившись к дивану, и болтала по телефону с подругой, стараясь не думать о том, что родители уехали к бабушке и вернутся только завтра.

— Ты точно не поедешь на вечеринку? — голос подруги

звучал слишком бодро, будто она пыталась перекричать собственную неуверенность.

Кейси вздохнула, поправляя плед, который уже сполз с плеч.

— Не, я лучше тут посижу. Кино посмотрю. Да и Стив должен заехать.

Она не успела договорить, как телефон пискнул, сообщая о входящем вызове. На экране высветилось «Неизвестный номер».

— Подожди, мне звонят... Алло?

Тишина. Тягучая, вязкая, будто кто-то дышал в трубку, но не хотел, чтобы его услышали.

— Алло? — повторила Кейси, и на этот раз в её голосе проскользнула тревога.

И вдруг — шёпот. Тихий, почти ласковый, но от него по коже побежали ледяные мурашки.

— Привет, Кейси. Ты одна?

Она резко села, чувствуя, как сердце ударяется о рёбра, будто ищет выход.

— Кто это?

— Тот, кто знает, где ты. Тот, кто видит тебя.

В этот момент она посмотрела в окно. За стеклом, в саду, мелькнула тень — слишком высокая, слишком угловатая, чтобы быть человеком. Или чтобы ей хотелось, чтобы она была человеком.

Глава 2. Игра без правил

Незнакомец не спешил. Он говорил медленно, растягивая слова, будто смаковал их, как что-то вкусное. И он задавал вопросы. Про фильмы ужасов. Про любимые сцены. Про то, кто выживает, а кто умирает.

— Какой твой любимый фильм? — спросил он, и в этом вопросе не было любопытства. Только холод.

— Я... я не знаю, — пролепетала Кейси, пытаясь встать, но ноги будто налились свинцом. — «Крик»?

Он рассмеялся — тихо, почти неслышно, но от этого смеха хотелось закрыть уши и кричать.

— Хороший выбор. Знаешь, что в таких фильмах самое страшное? Не монстры. Не кровь. А то, что жертва всегда думает: «Со мной этого не случится».

Кейси попятилась, чувствуя спиной холодный воздух из приоткрытого окна.

— Что тебе нужно?

— Чтобы ты поиграла со мной. Правила простые. Ответишь правильно — проживёшь ещё минуту. Ошибёшься... ну, ты понимаешь.

Она сжала телефон так, что побелели костяшки. В голове билась одна мысль: «Это розыгрыш. Это кто-то из школы. Это не может быть по-настоящему».

Но когда она посмотрела в сад, то увидела, что тень теперь

стоит прямо у окна. В чёрном балахоне, в маске — белой, искажённой, с вытянутым ртом, будто застывшим в безмолвном крике. Маска смотрела на неё пустыми глазницами, и в этой пустоте было больше ужаса, чем в любом крике.

— Выключи свет на веранде, — прошептал голос в трубке.

— Нет, — прохрипела Кейси.

— Тогда я сделаю это сам.

И в ту же секунду свет на веранде погас. Дом погрузился в полумрак, и только луна бросала на пол узкие полосы света, похожие на лезвия.

Кейси рванулась к двери, но не успела сделать и шага. Окно разлетелось вдребезги, осколки брызнули по комнате, как ледяные иглы. Фигура в маске ворвалась внутрь, двигаясь с неестественной лёгкостью, будто не касаясь пола.

Кейси закричала. Звук вырвался из груди, острый и резкий, как лезвие, но в нём уже слышалась обречённость.

Глава 3. Кровь на траве

На улице было холодно. Слишком холодно для конца лета. Трава под ногами хрустела от инея, хотя синоптики обещали тёплую ночь. Стив, парень Кейси, стоял у машины, сжимая кулаки и пытаясь унять дрожь, которая пробивала тело не от холода, а от страха.

Ему было восемнадцать. Крепкий, широкоплечий, с коротко стриженными тёмными волосами и шрамом над бровью — след детской драки, о которой он не любил вспоминать. Он привык быть тем, кто защищает, тем, кто говорит: «Всё будет хорошо». Но сейчас эти слова застревали в горле.

Он приехал, как только смог. Увидел разбитое окно, распахнутую дверь, услышал крик, который оборвался слишком резко. И теперь он шёл к дому, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди тяжёлым эхом.

Внутри было тихо. Слишком тихо. Как будто дом затаил дыхание и ждал.

Стив шагнул через порог и замер.

На полу лежала куртка Кейси. Рядом — телефон, экран которого всё ещё светился, будто ждал, что кто-то ответит на вызов.

А потом он увидел её.

Кейси висела на балке в гостиной, подвешенная за шею верёвкой, которую раньше держали шторы. Её глаза были от-

крыты, но в них уже не было ни страха, ни боли — только пустота, от которой хотелось кричать. На футболке темнели пятна крови, а на шее виднелись глубокие царапины, будто она пыталась сорвать верёвку, но не смогла.

Стив попятился, чувствуя, как мир вокруг рассыпается на острые осколки.

— Кейси! — заорал он, и его голос прозвучал чуждо, будто кричал кто-то другой.

Из темноты, из угла, где тени были гуще, выступила фигура. Та самая маска. Тот же балахон. И в руке — нож. Длинный, с зазубренным лезвием, которое тускло блестело в лунном свете.

— Она ошиблась в ответе, — прошелестел голос, искажённый маской, низкий и хриплый, будто шёл из самой земли.

Стив рванулся вперёд, не думая, не чувствуя ничего, кроме ярости и боли. Он хотел добраться до этого существа, разорвать его на части, заставить заплатить.

Но убийца двигался быстрее. Лезвие свистнуло в воздухе, рассекая ткань, кожу, жизнь. Стив почувствовал удар, горячий и резкий, будто его обожгли. Он опустил глаза и увидел, как на футболке расплывается тёмное пятно, становясь всё больше, поглощая его.

Он упал на колени, чувствуя, как силы уходят, как холод поднимается по телу, как мир становится тише, тише, тише...

А фигура в маске наклонилась к нему, подняла нож и прошептала:

— Теперь ты тоже проиграл.

Глава 4. Город, который знает

Сидни проснулась от звука сирены. Она лежала в своей комнате, в доме, который всегда казался ей слишком большим, слишком тихим, будто ждал чего-то. Ей было семнадцать, как и Кейси, но в её глазах было другое выражение — не упрямство, а осторожность, будто она знала: мир не так добр, как кажется.

У неё были длинные тёмно-русые волосы, которые она часто заплетала в косу, чтобы не мешали, и серые глаза, в которых читалась усталость, не по возрасту глубокая. Она не любила шумные вечеринки, не любила быть в центре внимания. Ей хватало того, что город и так смотрел на неё — с любопытством, с жалостью, с чем-то ещё, чему она не хотела подбирать названия.

Когда в дверь постучали, она уже знала: новости будут плохими.

На пороге стояли двое полицейских. Один — молодой, с напряжённым лицом, будто боялся сказать лишнее. Вторым — старше, с усталыми глазами и сединой на висках. Он посмотрел на Сидни так, будто уже знал, что эти слова сломают что-то внутри неё.

— Мисс Прескотт, мы должны сообщить вам... В городе произошло убийство. И мы просим вас быть осторожной.

Сидни сжала край двери, чувствуя, как пол уходит из-под

ног.

— Кто? — прошептала она.

Полицейский помолчал, будто подбирая слова, которые не могли сделать боль меньше.

— Кейси Беккер. И её парень, Стив.

Мир на секунду замер. Потом снова начал двигаться, но теперь всё казалось неправильным: цвета — слишком яркими, звуки — слишком громкими, тишина — слишком тяжёлой.

Сидни закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя холод дерева сквозь тонкую ткань пижамы.

За окном, в темноте, что-то шевельнулось.

Глава 5. Маска не одна

В школе всё изменилось. Коридоры, которые раньше были просто коридорами, теперь казались ловушками. Каждый угол таил тень, каждый шорох звучал как предупреждение.

Билли, парень Сидни, шёл рядом, держа её за руку. Он был высоким, с тёмными волосами, слегка растрёпанными, будто он только что проснулся, и глазами, в которых всегда пряталась какая-то тайна. Он улыбался, но улыбка не доходила до глаз.

— Всё будет хорошо, — повторял он, как заклинание, будто если сказать это достаточно раз, оно станет правдой.

Сидни кивала, но не верила. Она чувствовала: кто-то следит. Кто-то ждёт.

После уроков они пошли к Сидни домой. Улица была пустынной, только ветер гнал по асфальту сухие листья, и они шуршали, как чьи-то тихие шаги.

Когда они подошли к дому, Сидни замерла.

Дверь была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы внутри всё сжалось от ужаса.

— Стой здесь, — сказал Билли, отпуская её руку и делая шаг вперёд.

— Нет! — крикнула Сидни, хватая его за рукав. — Давай вызовем полицию!

Но он уже вошёл внутрь.

Сидни стояла на крыльце, чувствуя, как холодный ветер пробирается под одежду, как страх сковывает горло, не давая дышать.

Из дома донёсся крик. Короткий, резкий, оборвавшийся на полуслове.

Сидни рванулась внутрь.

В гостиной всё было перевернуто: диван сдвинут, книги разбросаны по полу, на стене — тёмные пятна, похожие на брызги. А на полу лежал Билли. Он не двигался. Его футболка была пропитана кровью, а рядом валялся нож — тот самый, с зазубренным лезвием.

Сидни упала на колени рядом с ним, тряся его, крича, умоляя очнуться.

— Билли! Билли!

Он приоткрыл глаза, и в них она увидела не боль, а что-то другое — ужас, который был глубже любой раны.

— Беги, — прошептал он, и кровь пузырилась на его губах, алая и страшная. — Он здесь. Он везде.

И тут из темноты коридора выступила фигура.

Маска. Балахон. Нож.

Сидни закричала. Этот крик был громче всех предыдущих, громче всех страхов, громче всего города. Он рвал горло, вырывался наружу, как единственное, что могло противостоять тьме.

Фигура шагнула к ней, поднимая нож.

Сидни попятилась, нащупывая что-то за спиной. Пальцы

сомкнулись на тяжёлом предмете — это была старая лампа, тяжёлая, с металлическим основанием.

Она взмахнула ею, не думая, не выбирая, просто чтобы выжить.

Удар пришёлся по маске. Что-то хрустнуло. Фигура пошатнулась, но не упала.

Сидни бросилась к двери, вылетая на улицу, в холод, в темноту, в надежду, что там, снаружи, есть что-то, что сможет её защитить.

Эпилог. Кто следующий?

Сирены выли где-то далеко, но Сидни их не слышала. Она сидела на крыльце чужого дома, прижавшись к стене, и дрожала так, что зубы стучали. На руках была кровь — не её, но она не могла её смыть.

К ней подошёл полицейский — тот самый, пожилой, с усталыми глазами. Он накинул на неё одеяло, пахнущее пылью и металлом.

— Ты в безопасности, — сказал он, но в его голосе не было уверенности.

Сидни покачала головой.

— Нет. Пока он там... никто не в безопасности.

Полицейский посмотрел на неё долго, будто хотел что-то сказать, но не знал как.

— Мы найдём его, — наконец произнёс он.

Сидни подняла глаза и посмотрела туда, откуда пришла. На тёмную улицу, на дома, на деревья, чьи ветви сплетались над дорогой, образуя чёрный свод.

Где-то там, в темноте, маска смотрела на неё. И ждала.

«Голос из темноты»

Глава 1. Тихий вечер в Вудсборо

Город Вудсборо всегда казался безопасным. Маленькие аккуратные дома, подстриженные газоны, фонари, мягко освещающие тротуары. Но в эту ночь спокойствие было обманчивым: оно лежало на улицах, как тонкий слой инея, который вот-вот треснет под чьим-то тяжёлым шагом.

Дженнифер Марлоу сидела на крыльце своего дома и смотрела на тёмные окна соседнего коттеджа. Ей было семнадцать. У неё были длинные, слегка выющиеся волосы цвета тёмного мёда, которые она сегодня распустила, и большие серо-зелёные глаза, в которых то и дело вспыхивало любопытство — иногда слишком опасное. На ней была старая толстовка с капюшоном, пахнувшая корицей и домом, и джинсы с потёртостями на коленях. Она любила этот дом, эту улицу, этот город. И именно поэтому ей было страшнее, чем если бы она жила где-нибудь в шумном мегаполисе.

Рядом с ней, на ступеньках, сидел Тайлер, её парень. Ему было восемнадцать, он был чуть выше неё, крепкий, с широкими плечами и привычкой всё время поправлять рукава, будто ему было немного не по себе в собственной коже. У него были короткие тёмно-русые волосы, лёгкая щетина, ко-

торую он ещё не научился вовремя сбривать, и внимательные карие глаза, которые сейчас смотрели на Дженнифер с тревогой.

— Может, зайдём внутрь? — спросил он, оглядываясь на тёмный сад, где ветер шевелил ветки, и они скребли по забору, словно чьи-то длинные ногти. — Уже поздно.

Дженнифер покачала головой.

— Ещё пять минут. Хочу послушать, как город засыпает. Но город не засыпал. Он затаил дыхание.

Телефон в её кармане завибрировал. Дженнифер вытащила его, посмотрела на экран и нахмурилась. «Неизвестный номер».

— Не отвечай, — быстро сказал Тайлер.

Она усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Это, наверное, Сара. Опять забыла, какой фильм мы собирались смотреть.

И нажала «Принять».

— Алло?

Тишина. Тяжёлая, густая, будто кто-то стоял прямо за её спиной и дышал ей в затылок.

— Эй? — повторила Дженнифер, и в этот раз её голос дрогнул.

И тогда из трубки донёсся шёпот. Тихий, почти ласковый, от которого кровь в жилах превратилась в ледяную воду.

— Ты любишь фильмы ужасов? — спросил голос. Он был искажён, будто шёл через сломанный фильтр, и от этого ка-

зался ещё более чужим.

Дженнифер резко встала, уронив телефон на ступеньки. Тайлер вскочил следом, схватил её за руку.

— Кто это? — прошептал он.

Она не успела ответить.

Из сада, из самой густой тени, выступила фигура. Чёрный балахон, скрывающий очертания тела. Белая маска с вытянутым, кричащим лицом — та самая, которую Дженнифер видела на картинках к старым фильмам. В руке у фигуры был нож: длинный, с зазубренным лезвием, которое тускло блестело в свете фонаря.

Дженнифер закричала. Звук вырвался из груди, острый и резкий, но он не смог пробиться сквозь тишину, которая накрыла улицу, как тяжёлое одеяло.

Глава 2. Первая кровь

Тайлер рванулся вперёд, закрывая Дженнифер собой. Он не думал, не взвешивал шансы — он просто не мог позволить, чтобы эта тварь подошла к ней.

Фигура в маске не спешила. Она стояла, слегка наклонив голову, будто изучала их, как экспонаты в музее страха. Потом медленно подняла нож и провела пальцем по лезвию. На металле осталась тонкая полоска крови — видимо, он уже успел кого-то ранить.

— Стойте там, где стоите! — заорал Тайлер, голос его дрожал, но в нём была решимость.

Фигура не послушалась. Она двинулась вперёд, легко, почти бесшумно, будто не касалась земли.

Тайлер схватил тяжёлую керамическую вазу с цветами, стоявшую на перилах, и швырнул её. Ваза ударилась о маску с глухим стуком, но не разбила её. Фигура лишь покачнулась, а потом снова шагнула вперёд.

Дженнифер попятилась, нащупывая за спиной ручку двери. Пальцы скользнули по холодному металлу, наконец сомкнулись. Она рванула дверь на себя, втаскивая Тайлера внутрь.

Они ввалились в прихожую, захлопнули дверь, щёлкнули замком. На секунду наступила тишина — та, что бывает перед бурей.

А потом раздался удар. Тяжёлый, глухой, будто кто-то ударил по дереву кувалдой. Дверь вздрогнула.

Ещё удар. Ещё.

На третьем ударе в полотне появилась трещина.

Дженнифер прижалась к стене, чувствуя, как холодный воздух из-под двери касается её ног, как страх сковывает горло, не давая дышать.

— Окна! — выкрикнул Тайлер, оглядываясь. — Нам надо к заднему двору!

Они побежали по коридору, мимо кухни, где на столе остывал недопитый чай, мимо фотографий на стенах — счастливые лица, которые теперь казались чужими, из другой жизни.

Задняя дверь была закрыта на засов. Тайлер рванул его, металл скрипнул, как живой. Дверь распахнулась, и они выскочили на задний двор.

Здесь было темнее. Сад казался бесконечным, деревья тянули к ним свои ветви, как руки, пытающиеся схватить и удержать.

Они рванулись к забору, к калитке, которая вела на соседнюю улицу. Дженнифер чувствовала, как острые ветки царапают её лицо, как кровь течёт по щеке, тёплая и липкая.

Калитка была заперта.

Тайлер ударил по замку плечом. Один раз. Второй. На третий раз замок хрустнул, и калитка распахнулась.

Они выскочили на соседнюю улицу — тихую, пустую, буд-

то все жители спрятались, зная, что сейчас лучше не смотреть в окна.

Но спастись не удалось.

Из-за угла дома, прямо перед ними, выступила ещё одна фигура. Та же маска. Тот же балахон. Тот же нож.

Дженнифер замерла, чувствуя, как мир вокруг рассыпается на острые осколки.

— Нет... — прошептала она.

Фигура шагнула к Тайлеру.

Он рванулся вперёд, пытаясь оттолкнуть Дженнифер назад, подальше от опасности.

Лезвие свистнуло в воздухе.

Удар был коротким и страшным.

Тайлер пошатнулся, опустил глаза и увидел, как на его толстовке расплывается тёмное пятно, становясь всё больше, поглощая его.

Он упал на колени, потом на бок, тяжело дыша, будто пытался удержать в себе жизнь, которая вытекала вместе с кровью.

Дженнифер упала рядом с ним, тряся его, крича, умоляя не закрывать глаза.

— Тайлер! Тайлер!

Он приоткрыл глаза, и в них она увидела не боль, а что-то другое — ужас, который был глубже любой раны.

— Беги... — прошептал он, и кровь пузырилась на его губах, алая и страшная. — Не оглядывайся...

Фигура в маске подошла ближе, подняла нож, готовясь нанести последний удар.

И в этот момент где-то вдалеке завывла сирена.

Резко, громко, как крик, прорвавшийся сквозь тьму.

Фигура замерла. Потом медленно повернула голову в сторону звука.

Сирена звучала всё ближе.

Фигура отступила в тень, растворилась в темноте, оставив после себя только запах железа и ощущение ледяного взгляда, который всё ещё следил из темноты.

Дженнифер обняла Тайлера, прижимая его к себе, чувствуя, как его дыхание становится всё тише, всё слабее.

А сирена всё выла, и этот звук был самым прекрасным, что она когда-либо слышала.

Глава 3. Город знает

Полицейские машины остановились у дома, мигалки раскрашивали улицу в красный и синий, как в дешёвом кошмаре. Детектив Марк Харрис вышел из первой машины, оглядывая двор, сад, разбитый забор, пятна крови на асфальте. Ему было за сорок, он был невысоким, крепким, с седinouй на висках и усталыми глазами человека, который видел слишком много плохого и уже почти перестал удивляться.

Рядом с ним стояла офицер Лиза Морган, молодая, собранная, с короткой стрижкой и привычкой держать руку на кобуре, будто ожидая, что кошмар вот-вот повторится.

Дженнифер сидела на заднем сиденье патрульной машины, закутанная в одеяло, пахнущее резиной и антисептиком. Её трясло, зубы стучали, и она никак не могла остановить эту дрожь.

Детектив Харрис подошёл к ней, присел на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Дженнифер, я знаю, тебе страшно. Но мне нужно, чтобы ты рассказала всё. С самого начала. Про звонок. Про фигуру. Про то, что случилось с Тайлером.

Она сжала пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Он... он спрашивал про фильмы ужасов. А потом... потом он был везде. Не только там, у дома. А ещё и на со-

седней улице. Как будто их двое. Или больше.

Детектив переглянулся с офицером Морган. В этом взгляде Дженнифер успела прочесть и скепсис, и сочувствие: в маленьком городе люди часто видят то, чего нет, когда страх доводит до края. Но Харрис не стал спорить.

— Мы проверим все камеры. Опросим соседей. Если кто-то был, мы его найдём.

Но Дженнифер знала: он не поймёт. Никто не поймёт, пока не увидит эту маску своими глазами.

В больнице Тайлера не спасли. Он умер по дороге, не приходя в сознание.

Когда Дженнифер узнала об этом, она закрыла лицо руками и заплакала. Слезы были горячими, они смывали грязь и кровь, но не могли смыть то, что навсегда осталось внутри.

Глава 4. Маска возвращается

Через три дня город попытался вернуться к нормальной жизни. Но это была фальшивая нормальность: люди ходили по улицам, опустив глаза, не смотрели друг на друга, будто боялись увидеть в чужих взглядах отражение собственного страха.

Сара, лучшая подруга Дженнифер, пришла к ней домой. Ей было семнадцать, она была невысокой, худенькой, с ярко-рыжими волосами, собранными в два хвостика, и веснушками, которые раньше казались такими милыми, а теперь выглядели как пятна грязи на чистом лице. Она обняла Дженнифер так крепко, будто боялась, что если отпустит, та исчезнет.

— Ты не должна оставаться одна, — сказала она, голос её дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Я буду с тобой. Мы вместе.

Дженнифер кивнула, но не чувствовала себя в безопасности. Ей казалось, что тьма притаилась за каждым углом, за каждой занавеской, за каждым зеркалом.

Вечером они сидели в гостиной, пили горячий шоколад, который был слишком сладким, слишком обычным для того, что творилось вокруг. Телевизор работал, но звук был выключен: картинки мелькали, как кадры из чужого сна.

Телефон Дженнифер снова завибрировал.

Сара посмотрела на неё, и в её глазах мелькнул страх.

— Не бери.

Но Дженнифер уже тянулась к телефону. Экран светился, как маяк в темноте. «Неизвестный номер».

Она нажала «Принять» и поднесла трубку к уху.

Тишина. Та же тягучая, вязкая тишина, от которой хотелось кричать.

А потом — шёпот.

— Скучаешь по Тайлеру? — голос был тем же, искажённым, холодным, будто шёл из самой земли.

Дженнифер вскочила, роняя чашку. Горячий шоколад растёкся по ковру, тёмное пятно расплзлось, как кровь.

— Где ты? — заорала она, и голос её сорвался на крик.
— Покажись!

— Я рядом, — прошептал голос. — Я всегда рядом.

И в ту же секунду погас свет.

Дом погрузился в темноту. Только лунный свет пробивался сквозь окна, рисуя на полу узкие полосы, похожие на лезвия.

Сара закричала, когда из коридора выступила фигура.

Та же маска. Тот же балахон. Тот же нож, покрытый тёмными пятнами, которые могли быть только кровью.

Дженнифер схватила тяжёлую настольную лампу и швырнула её в фигуру. Лампа ударилась о стену, разбилась, осколки брызнули по комнате.

Фигура даже не вздрогнула. Она шагнула вперёд, медлен-

но, будто наслаждаясь каждым мгновением их ужаса.

Сара рванулась к двери, но не успела сделать и шага. Фигура схватила её за волосы, дёрнула назад, прижала к себе.

— Хочешь спасти её? — прошепел голос, искажённый маской. — Тогда ответь на вопрос. Кто должен умереть первым? Ты или она?

Дженнифер застыла, чувствуя, как мир вокруг рассыпается, как стекло под тяжёлым молотом.

— Отпусти её! — заорала она. — Бери меня!

Фигура рассмеялась — тихо, почти неслышно, но от этого смеха хотелось закрыть уши и кричать.

— Слишком просто. Я люблю, когда жертва страдает.

И в этот момент Дженнифер увидела, как из-за спины фигуры выступила ещё одна тень.

Не такая высокая. Не такая уверенная. Но в руке у неё тоже был нож.

Вторая маска.

Их было двое.

Или больше.

Глава 5. Ловушка в старом кинотеатре

После нападения в доме Дженнифер не могла оставаться в четырёх стенах. Ей казалось, что каждый угол теперь прячет тень, каждый скрип — это шаг убийцы, а тишина стала самой страшной вещью на свете. Детектив Харрис посоветовал ей держаться поближе к людям, и она согласилась — не потому, что поверила в безопасность, а потому, что одиночество пугало сильнее толпы.

Они с Сарой пошли в старый кинотеатр «Звёздный свет» на окраине Вудсборо. Здание было построено ещё в 60-х: массивные кирпичные стены, выцветшая афиша над входом, тяжёлые деревянные двери, которые скрипели, будто жаловались на старость. Внутри пахло пылью, попкорном и чем-то затхлым, как будто само здание помнило слишком много ночей и слишком много зрителей, которые когда-то сидели в этих креслах.

Зал был почти пустым: кроме них, только трое парней в задних рядах, да пожилой билетер, который дремал за стойкой, сжимая в руке стакан с остывшим кофе. Ряды кресел уходили вниз, к экрану, как ступени в темноту. Дженнифер выбрала место почти у самого прохода — чтобы видеть и сцену, и выход.

Сара пыталась улыбаться, но улыбка получалась натянутой, как плохо приклеенная маска.

— Всё будет нормально, — шептала она, хотя в её голосе не было уверенности. — Мы среди людей. Тут ничего не случится.

Дженнифер кивнула, но не поверила ни единому слову.

Фильм начался. На экране мелькали кадры, но Дженнифер их не видела. Она смотрела не на картинку, а на отражения в стекле: на свои собственные глаза, в которых застыл страх, на тёмные силуэты кресел, на то, как свет от проектора выхватывал из темноты пыль, кружащуюся в воздухе, словно пепел.

И тут телефон в кармане Сары завибрировал.

Обе девушки вздрогнули, как от удара током.

— Не бери, — прошептала Дженнифер, чувствуя, как холод ползёт по спине.

Но Сара уже вытащила телефон. На экране снова светилось: «Неизвестный номер».

Она посмотрела на Дженнифер, и в её глазах мелькнул ужас.

— Это... это не может быть он. Тут столько людей...

Она нажала «Принять» и поднесла трубку к уху.

Тишина. Та самая, тягучая, от которой хотелось кричать.

А потом — шёпот. Тихий, искажённый, будто голос шёл через сломанный динамик.

— Вы выбрали плохое место.

Сара уронила телефон, и он глухо стукнулся об пол.
В ту же секунду погас свет.

Не просто выключился — а будто его вырвали из зала, как выдергивают вилку из розетки. Экран померк, проектор замолчал, и наступила тьма, густая и плотная, как чёрная вода.

Из задних рядов донёсся чей-то испуганный голос:
— Эй! В чём дело?

Никто не ответил.

И тогда из темноты раздался смех. Тихий, хриплый, нечеловеческий. Он прокатился по залу, как ветер по пустым коридорам.

Дженнифер схватила Сару за руку, пальцы впились в кожу.

— Вставай. К выходу. Быстро.

Они поднялись, шаря в темноте, нащупывая спинки кресел, чтобы не упасть. Дженнифер тянула Сару за собой, чувствуя, как под ногами хрустит попкорн, как воздух становится тяжелее, будто сам кинотеатр теперь был врагом.

Когда они добрались до прохода, впереди мелькнула тень. Высокая, в чёрном балахоне. Белая маска смотрела на них из темноты, пустые глазницы казались бездонными. В руке у фигуры был нож — длинный, с зазубренным лезвием, которое даже в темноте казалось острым, как сама смерть.

— Стойте там, где стоите, — прошепестел голос, и от него кровь стыла в жилах. — Вы ведь любите кино. Так посмотрите финал.

Дженнифер рванулась вбок, толкая Сару к ряду кресел. Они нырнули в темноту, прячась между сиденьями, чувствуя, как дерево царапает кожу, как пыль лезет в горло.

Сверху, над ними, послышались шаги. Тяжёлые, медленные, будто убийца нарочно давал им время почувствовать страх.

— Я знаю, где вы, — проговорил голос, и теперь он звучал ближе, почти над ухом. — Я всегда знаю.

Вдруг где-то сбоку вспыхнул свет. Неяркий, дрожащий — фонарик на телефоне. Один из парней в зале включил его, пытаясь разглядеть, что происходит. Луч света метнулся по стенам, выхватил из темноты пустые кресла, старую обивку, пыль на полу.

И на секунду осветил фигуру в маске.

Парень закричал.

Этот крик разорвал тишину, как удар молнии.

Фигура в маске рванулась к нему.

Лезвие свистнуло в воздухе.

Удар был коротким и страшным.

Парень выронил телефон, и свет погас. В темноте раздался хрип, потом тяжёлый звук падения.

Дженнифер закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Рядом Сара тихо всхлипывала, дрожа всем телом.

— Теперь нас трое против одного, — прошептал голос из темноты, и в нём слышалась усмешка. — Или вы думали, что он поможет?

Дженнифер почувствовала, как что-то холодное коснулось её плеча. Она резко обернулась, но там была только тень.

Или ей так хотелось думать.

Она потянула Сару дальше, к боковому выходу, который вела узкая дверь с табличкой «Служебное помещение». Ручка была холодной, ржавой, она плохо поддавалась, будто не хотела выпускать их наружу.

Наконец дверь щёлкнула и приоткрылась.

Они выскочили в узкий коридор, пахнувший краской и сыростью. Стены были обшарпанными, на полу валялись старые афиши, скрученные в рулоны, как мёртвые змеи.

Дверь за ними захлопнулась с глухим стуком.

На секунду они замерли, прислушиваясь.

Тишина.

Потом — скрип. Будто кто-то медленно поворачивал ручку.

Дженнифер дёрнула Сару вперёд, по коридору, мимо закрытых дверей, мимо табличек с неразборчивыми надписями. В конце коридора виднелась ещё одна дверь — выход на улицу, к пожарной лестнице.

Они рванулись к ней, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова.

Когда они выскочили наружу, холодный воздух ударил в лицо, как ледяная вода. Они стояли на узкой металлической площадке, под дождём, который только что начался, мелко-

ми холодными каплями, стекающими по волосам и шее.

Под ними была улица — пустая, тёмная, но настоящая. Без масок, без ножей, без шёпота в трубке.

Дженнифер прислонилась к перилам, тяжело дыша, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, будто хочет вырваться наружу.

Сара опустилась на колени, уткнувшись лицом в ладони.

— Мы... мы выбрались, — прошептала она, но в её голосе не было радости, только усталость и страх.

Дженнифер посмотрела на дверь, из которой они только что выскочили. Она была закрыта. Но ей казалось, что за ней кто-то стоит. Кто-то в маске. Кто-то, кто просто ждёт.

Глава 6. Старые тайны

Детектив Харрис приехал через двадцать минут. Его машина остановилась у кинотеатра, мигалка раскрасила мокрый асфальт в красный и синий, как в дешёвом кошмаре. Он вышел, накинул на плечи куртку, чтобы прикрыть Сару, и посмотрел на Дженнифер так, будто пытался прочитать в её глазах то, что она не решалась сказать вслух.

— Расскажите ещё раз. Всё, до мелочей.

Дженнифер рассказала. Про звонок. Про тьму. Про фигуру в маске. Про парня, который умер в зале.

Детектив слушал, не перебивая, только время от времени кивал, делая пометки в блокноте.

— А что насчёт старого кинотеатра? — спросил он, когда она закончила. — Вы знали, что его хотели снести? Что тут несколько лет назад пропал работник?

Дженнифер покачала головой.

— Нет. Я думала, это просто старое здание.

Харрис помолчал, потом сказал тихо, будто не хотел, чтобы слова прозвучали слишком громко:

— Тут и раньше случалось плохое. В 90-х тут нашли тело уборщика. Он лежал в подсобке, на полу, в луже крови. На стене было написано: «Он слишком много знал». Никто так и не понял, что это значит.

Сара вздрогнула.

— Зачем вы нам это говорите?

— Чтобы вы поняли: это не случайность. Кто-то использует старые места. Старые страхи.

Дженнифер сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Значит, он не просто убивает. Он играет.

Детектив посмотрел на неё долго, будто хотел что-то сказать, но не знал как.

— Да. И он знает, как нас напугать.

В этот момент к ним подошла офицер Лиза Морган. В её глазах было что-то новое — не просто усталость, а тревога, которую она пыталась скрыть.

— Марк, — тихо сказала она, наклоняясь к детективу. — Мы проверили камеры у кинотеатра. Там ничего нет. Ни фигуры, ни движения. Как будто его вообще не существовало.

Харрис нахмурился.

— Как это возможно?

— Не знаю. Но это выглядит так, будто он... не отбрасывает тени.

Дженнифер почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод.

Если он не отбрасывает тени, значит, его нельзя поймать обычными способами.

Значит, придётся искать другой путь.

Глава 7. Охота начинается

На следующее утро Дженнифер проснулась от звука дождя, стучащего по крыше, как чьи-то тихие шаги. В комнате было холодно, даже под одеялом. Она лежала, глядя в потолок, и думала о том, что теперь каждый звук — это угроза, каждая тень — это маска, каждый незнакомый номер — это голос из кошмара.

Ей нужно было узнать больше. О кинотеатре. О пропавшем уборщике. О том, что было написано на стене.

Она оделась, накинула куртку, взяла ключи от машины Тайлера — он всегда шутил, что она водит лучше него, и теперь эти слова звучали как насмешка судьбы.

Машина стояла во дворе, мокрая от дождя, с потускневшими фарами, которые смотрели на мир, как усталые глаза. Дженнифер села за руль, вставила ключ в зажигание, и мотор заурчал, будто вздохнул.

Она поехала к библиотеке — старому кирпичному зданию в центре города, с высокими окнами и тяжёлыми дверями, которые всегда закрывались с глухим стуком, как крышка гроба.

Внутри было тихо. Только шуршание страниц, тихий гул компьютера и запах старой бумаги. Библиотекарь, пожилая женщина с седыми волосами и внимательными глазами, посмотрела на Дженнифер с сочувствием.

— Ты из-за тех убийств, да? — спросила она тихо, будто боялась, что стены могут услышать. — Все только об этом и говорят.

Дженнифер кивнула.

— Мне нужны старые газеты. За 90-е. Про кинотеатр «Звёздный свет». Про пропавшего работника.

Женщина помолчала, потом вздохнула.

— Понимаю. Иди за мной.

Она провела Дженнифер в дальний угол, к стеллажу с подшивками газет. Папки были старыми, пожелтевшими, с потрёпанными краями. Дженнифер взяла одну, открыла, и перед ней поплыли чёрно-белые строки, рассказывающие о жизни города, которая теперь казалась чужой и далёкой.

Она нашла статью. Маленькая заметка на третьей полосе: «Пропал работник кинотеатра». Дальше шли скупые факты: имя, возраст, дата исчезновения. И в самом конце — фраза, от которой у Дженнифер похолодели руки: «По словам очевидцев, перед исчезновением мужчина говорил, что видел в подсобке „что-то, чего не должно быть“».

Рядом была ещё одна заметка — о том, что через неделю после исчезновения в кинотеатре случился пожар. Никто не пострадал, но часть здания выгорела. А на стене в подсобке снова нашли надпись: «Он всё ещё здесь».

Дженнифер закрыла папку, чувствуя, как мир вокруг становится всё меньше, всё теснее, будто стены сдвигаются, чтобы загнать её в угол.

Кто-то знал об этих тайнах. И кто-то использовал их, чтобы пугать и убивать.

Она вышла из библиотеки, чувствуя, что теперь у неё есть цель. Не просто выжить. А понять, кто прячется под маской. И почему он выбрал именно её.

Глава 8. Дневник уборщика

Дождь не прекращался. Он лил так, будто небо решило смыть с города все его тайны, но Вудсборо упрямо прятал их в сырых подвалах, в трещинах асфальта, в пожелтевших газетных вырезках.

Дженнифер вернулась к кинотеатру под утро, когда улицы были пусты, а фонари горели тускло, как больные глаза. Она не могла больше сидеть дома, не могла ждать, пока убийца снова найдёт её. Ей нужно было попасть в подсобку — туда, где пропал уборщик, где на стене остались слова, от которых стыла кровь.

Задняя дверь кинотеатра была закрыта на тяжёлый навесной замок, но петли давно проржавели. Дженнифер вытащила из багажника машины монтировку — она лежала там ещё со времён, когда Тайлер чинил бампер. Металл звякнул о железо, потом скрипнул, поддаваясь. Замок хрустнул и упал на мокрый бетон.

Она толкнула дверь. Та застонала, будто не хотела впускать её в свои секреты.

Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — старым, затхлым, как запах давно закрытого гроба. Коридор уходил в темноту, и каждый шаг отдавался эхом, словно кто-то повторял его за ней, только чуть позже.

Подсобка была в самом конце. Маленькая комната с низ-

ким потолком, заставленная коробками и рулонами старых афиш. На полу валялись обрывки бумаги, пустые банки из-под краски, сломанный стул. А на стене, почти у самого потолка, до сих пор виднелись буквы, выведенные чем-то тёмным — возможно, кровью.

«Он всё ещё здесь».

Дженнифер провела пальцем по буквам. Краска осыпалась, приликая к коже.

В углу, под кучей тряпья, она заметила тонкую тетрадь в потрёпанной обложке. Обложка была тёмно-синей, почти чёрной от времени, с выцветшим золотым тиснением. Дженнифер подняла её, стряхнула пыль. На первой странице аккуратным, но торопливым почерком было выведено: «Дневник Роба Картера. Не для чужих глаз».

Она села прямо на пол, прислонившись спиной к холодной стене, и начала читать.

«12 октября 1994. Сегодня я снова слышал голоса. Они идут из вентиляции. Шепчут моё имя. Я думал, это крысы. Но крысы не называют людей по именам.

15 октября. В подсобке что-то меняется. Вещи лежат не там, где я их оставил. Вчера я положил ключи на полку. Сегодня они были под столом. Я не трогал их. Никто не трогал. Кроме него.

20 октября. Я видел маску. Не в кино. В коридоре. Она

висела на крюке, как будто ждала. Я снял её и выбросил в мусорный бак за зданием. На следующий день она снова висела на том же крюке. Чистая. Сухая. Будто её только что повесили.

23 октября. Он говорит со мной по телефону. Голос искажён, как в плохом радио. Он знает, что я нашёл маску. Он говорит, что кинотеатр — это его дом. Что он был здесь за-долго до нас. Что он будет здесь после нас.

25 октября. Сегодня я нашёл в вентиляции кусок ткани. Чёрный, тяжёлый, как тот балахон, который я видел в фильме. На ткани были пятна. Тёмные. Я не хочу думать, что это.

27 октября. Стены шепчут. Не слова. Просто звуки, от которых хочется кричать. Я больше не могу здесь работать. Но если я уйду, он найдёт меня. Я знаю это так же точно, как знаю своё имя.

30 октября. Он пришёл ко мне домой. Я видел тень у окна. Телефон звонил всю ночь. Я не брал трубку. Сегодня я пойду в полицию. Пусть они думают, что я сумасшедший. Лучше это, чем остаться здесь одному.

Последняя запись. Он был прав. Он нашёл меня. Я слышу шаги на лестнице. Дверь сейчас откроется. Если кто-то

найдёт этот дневник, не возвращайтесь сюда. Не пытайтесь его остановить. Он не человек. Он — голос. И он никогда не замолкает».

Дженнифер захлопнула тетрадь, чувствуя, как холод ползёт по спине, как будто кто-то только что провёл по ней ледяными пальцами.

За её спиной скрипнула половица.

Она резко обернулась.

В дверном проёме стояла фигура. Чёрный балахон. Белая маска. Пустые глазницы смотрели прямо на неё, будто видели не только её тело, но и каждую мысль, каждый страх, каждую надежду, которую она ещё пыталась прятать.

В руке у фигуры был нож. Длинный, зазубренный, покрытый тёмными пятнами, которые уже не смывались ни дождём, ни временем.

— Ты любишь копаться в чужом прошлом? — прошеле-стел голос, искажённый маской, низкий и хриплый, будто шёл из самой земли. — Это опасно. Особенно для тех, кто слишком много читает.

Дженнифер вскочила, прижимая к груди дневник, как будто он мог её защитить.

— Кто ты? — крикнула она, и голос её дрожал, но в нём уже не было только страха. В нём была ярость — ярость человека, который потерял слишком много и больше не соби-рался терять себя.

Фигура медленно покачала головой.

— Я — тот, кто задаёт вопросы. А ты — та, кто должна на них отвечать.

Он шагнул вперёд.

Дженнифер метнулась в сторону, к узкому проходу между коробками. Она знала этот лабиринт: когда-то она приходила сюда с Тайлером, когда они прятались от дождя и целовались среди старых афиш, не думая, что эти стены однажды станут ловушкой.

Коридор был узким, низким. Она пригнулась, чувствуя, как картон царапает плечи, как пыль лезет в горло. За спиной слышались тяжёлые шаги, неторопливые, будто убийца никуда не спешил — он знал, что она не уйдёт.

Впереди виднелся выход на сцену. Старые кулисы висели ключьями, как истлевшие крылья. Дженнифер рванулась вперёд, вылетела на сцену, споткнулась о край ramпы и упала на колени.

Перед ней был зрительный зал. Пустой, холодный, с рядами кресел, уходящих вниз, как ступени в ад.

И в первом ряду, прямо напротив сцены, сидела ещё одна фигура.

Та же маска. Тот же балахон.

Их было двое.

Или больше.

Дженнифер попятилась, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Первая фигура вышла из коридора, медленно, наслажда-

ьясь её ужасом. Вторая поднялась с кресла и двинулась к сцене, легко, почти бесшумно, будто не касалась пола.

Они шли к ней с двух сторон, отрезая все пути к отступлению.

Дженнифер огляделась. На краю сцены лежала старая киноплёнка, смотанная в тяжёлые катушки. Она схватила одну, размахнулась и швырнула в фигуру, которая поднималась по ступенькам. Катушка ударилась о маску с глухим стуком, но не сбила её. Фигура лишь покачнулась, а потом снова шагнула вперёд.

— Глупо, — прошелестел голос. — Очень глупо.

Дженнифер схватила вторую катушку, потом третью. Она швыряла их, как камни, крича, плача, не понимая, что делает, просто пытаясь задержать их хоть на секунду.

Одна из катушек ударила фигуру в плечо. Другая пролетела мимо. Третья попала в маску, и на этот раз что-то хрустнуло.

Фигура замерла. Потом медленно подняла руку и коснулась маски. Пальцы скользнули по белой поверхности, нащупали трещину.

И вдруг маска начала сползать.

Не сама. Её кто-то снимал.

Пальцы в чёрных перчатках потянули маску вверх, и под ней показалось лицо.

Дженнифер замерла, чувствуя, как мир вокруг рассыпается на острые осколки.

Это было лицо человека, которого она знала.

Человека, которого она видела каждый день.

Человека, который улыбался ей и говорил: «Не бойся, я тебя защищу».

Но теперь в его глазах не было ни доброты, ни заботы. В них был холод. Пустота. И что-то ещё, от чего хотелось закрыть глаза и никогда их не открывать.

— Привет, Дженнифер, — сказал он, и голос его теперь не был искажён. Он звучал знакомо. Слишком знакомо. — Ты слишком близко подошла к правде.

Глава 9. Правда, которая убивает

Дженнифер не могла пошевелиться. Мир сжался до одной точки — до этого лица, до этих глаз, до этого голоса, который она столько раз слышала и которому столько раз верила.

Это был шериф Беннетт. Тот самый, который приезжал на место первого убийства. Тот, который успокаивал её, говорил, что всё будет хорошо. Тот, который обещал, что город защитит своих.

Теперь он стоял перед ней, держа в руке нож, и в его взгляде не было ничего человеческого.

— Ты не можешь быть... — прошептала Дженнифер, и слова застревали в горле, как осколки стекла. — Ты же... ты же должен нас защищать.

Шериф усмехнулся. Улыбка вышла кривой, будто мышцы лица забыли, как это делается.

— Именно поэтому я и делаю это. Чтобы город оставался чистым. Чтобы слабые не мешали сильным. Чтобы страх держал всех в узде.

Вторая фигура в маске всё ещё стояла в проходе. Дженнифер посмотрела на неё, и вдруг заметила деталь, от которой кровь застыла в жилах: на рукаве балахона виднелась нашивка. Та же, что была на куртке одного из полицейских, которые приезжали к кинотеатру.

Их было несколько. Целая сеть.

— Вы... вы все? — прошептала она.

Шериф покачал головой.

— Не все. Только те, кто понял правила. Только те, кто готов платить цену.

Дженнифер отступила к краю сцены, чувствуя, как под ногами дрожит пол, как воздух становится густым, как будто сам кинотеатр теперь был на их стороне.

— Что тебе нужно от меня? — крикнула она, пытаясь выиграть время, пытаясь найти хоть какую-то лазейку.

— Твою историю, — спокойно ответил шериф. — Твоё имя на стене. Твою смерть, которая станет уроком для других.

Он сделал шаг вперёд.

Дженнифер рванулась вбок, к кулисам. Она нырнула за тяжёлую ткань, чувствуя, как бархат царапает кожу, как пыль лезет в глаза. За кулисами был узкий проход, который вёл к служебному выходу. Она знала это. Тайлер показывал ей.

Она бежала, не оглядываясь, слыша за спиной тяжёлые шаги, хриплый смех, шёпот, который проникал в уши, как яд.

Дверь в конце коридора была приоткрыта. Дженнифер вылетела на улицу, в дождь, в холод, в спасительную темноту.

Асфальт был мокрым, скользким. Она упала, ударившись коленом, но тут же вскочила, не чувствуя боли.

Впереди, на перекрёстке, стояла патрульная машина. В

кабине горел тусклый свет, и Дженнифер увидела силуэт за рулём.

Офицер Лиза Морган.

Дженнифер рванулась к машине, крича, махая руками, будто могла этим отогнать весь ужас, который гнался за ней.

Лиза увидела её, выскочила из машины, держа руку на кобуре.

— Дженнифер! Что случилось?

— Шериф! — задыхаясь, выкрикнула Дженнифер. — Он... он убийца. Он и ещё кто-то. В кинотеатре.

Лиза нахмурилась, но в её глазах мелькнуло не недоверие, а тревога.

— Где он?

— В кинотеатре. На сцене.

Лиза кивнула, быстро, чётко, как человек, который привык действовать, а не думать.

— Остайся здесь. Не выходи. Я вызову подкрепление.

Она схватила рацию, начала говорить в неё короткими, рублеными фразами.

Дженнифер прислонилась к машине, чувствуя, как дрожь пробивает тело, как слёзы текут по щекам, смешиваясь с дождём.

Из кинотеатра донёсся крик. Короткий, резкий, оборвавшийся на полуслове.

Потом тишина.

А потом из дверей вышла фигура.

Без маски.

Это был шериф Беннетт. В его руке всё ещё был нож, лезвие тускло блестело в свете фонаря.

Он увидел Лизу. Увидел Дженнифер. И на его лице появилась та же кривая улыбка.

— Слишком поздно, — проговорил он, и в его голосе не было ни страха, ни сожаления. Только холодная уверенность. — Город уже выбрал сторону.

Лиза выхватила пистолет, направила его на шерифа.

— Стоять! Руки вверх!

Шериф не послушался. Он сделал шаг вперёд, поднимая нож.

Выстрел прозвучал резко, как удар грома.

Пуля попала ему в плечо. Он пошатнулся, но не упал. Вместо этого он рассмеялся — тихо, хрипло, жутко.

— Думаешь, это меня остановит? — прошептал он, и кровь текла по его руке, капая на асфальт, как чёрные слёзы. — Я — это город. А город не умирает от одной пули.

Он рванулся вперёд.

Лиза выстрелила ещё раз.

На этот раз он упал.

Но даже лёжа на мокром асфальте, он продолжал улыбаться.

— Он найдёт тебя, — прошептал шериф, и глаза его закрывались, но улыбка не сходила с лица. — Тот, кто шепчет в темноте. Он всегда находит.

Лиза опустилась на колени рядом с ним, проверяя пульс. Потом посмотрела на Дженнифер. В её глазах было что-то новое — не просто усталость, а понимание того, что они только что заглянули в бездну, и бездна посмотрела на них в ответ.

— Мы должны уехать отсюда, — сказала Лиза тихо, но твёрдо. — Прямо сейчас. Пока не стало слишком поздно.

Дженнифер кивнула. Она больше не чувствовала ни холода, ни боли, ни страха. Она чувствовала только пустоту. И знание, от которого хотелось кричать.

Город знал. Город видел. И город не собирался отпускать её.

Глава 10. Финал.

Дождь наконец стих. Не резко, не с грохотом, а тихо, будто сам город устал от собственной ярости и теперь стыдливо прятал мокрые улицы в сером утреннем свете.

Дженнифер сидела на скамейке у автобусной остановки — той самой, где когда-то они с Тайлером ждали школьный автобус и смеялись над тем, как нелепо выглядит водитель в огромных очках. Теперь остановка казалась чужой, словно принадлежала другому городу, другой жизни. В руках у Дженнифер был дневник Роба Картера. Страницы потемнели от дождя, чернила расплылись, но слова всё ещё можно было разобрать.

Лиза Морган присела рядом, не слишком близко, чтобы не нарушить хрупкое пространство, в котором Дженнифер пыталась собрать себя по кусочкам.

— Автобус будет через двадцать минут, — тихо сказала Лиза, глядя на пустую дорогу, где капли медленно стекали с асфальта в ливневую решётку. — Он довезёт тебя до соседнего города. Там у тебя тётя, да?

Дженнифер кивнула. Она не хотела туда. Но и оставаться здесь тоже не могла.

— Ты не обязана ехать одна, — добавила Лиза. — Я могу сесть с тобой в автобус. Или поехать на своей машине следом. Или просто постоять тут, пока он не уедет. Что тебе

ближе?

Дженнифер улыбнулась. Впервые за много дней улыбка не была натянутой, не пыталась скрыть страх. Она была тихой, как рассвет после долгой грозы.

— Спасибо. Но я должна сделать это сама.

Она посмотрела на кинотеатр вдалеке. Его выцветшая вывеска «Звёздный свет» теперь казалась не обещанием чуда, а старой шуткой, которую никто уже не помнит.

— Знаешь, что самое странное? — проговорила Дженнифер, не глядя на Лизу. — Я всё ещё слышу этот голос. В тишине. Когда закрываю глаза. Он шепчет: «Ты никуда не денешься». Но сегодня утром я вдруг поняла... он прав. Я никуда не денусь от того, что здесь случилось. От Тайлера. От Роба. От всех, кто не смог убежать. Но это не значит, что я должна остаться здесь, чтобы он меня догнал.

Лиза положила ладонь на спинку скамейки — не касаясь Дженнифер, но давая понять, что она рядом.

— Иногда самое смелое, что можно сделать, — это просто уехать. Не чтобы спрятаться. А чтобы жить дальше.

На дороге показался автобус. Он ехал медленно, будто тоже не спешил нарушать эту хрупкую тишину. Двери открылись с привычным вздохом.

Дженнифер встала. Дневник она не выбросила и не спрятала. Она положила его в карман куртки — не как талисман, не как угрозу, а как память. Пусть слова Роба больше не будут проклятием. Пусть станут свидетельством.

— Передай детективу Харрису, ладно? — она кивнула на карман. — Пусть он решит, что с этим делать. Пусть город наконец узнает правду. Не ту, которую шепчут в темноте, а ту, которую можно произнести вслух.

Лиза кивнула.

— Обязательно. И если когда-нибудь захочешь узнать, что из этого вышло... ты знаешь, где меня найти.

Дженнифер шагнула в автобус. Ступеньки скрипнули под ногами — точно так же, как половицы в кинотеатре. На секунду ей показалось, что тьма тянется за ней, цепляется за подол куртки, пытается удержать.

Но она сделала ещё один шаг. Потом ещё. И села у окна, там, где свет падал прямо на лицо.

Автобус тронулся. Город поплыл за стеклом: знакомые дома, пустые улицы, фонари, которые теперь казались не сторожами, а просто фонарями — обычными, тёплыми, ничего не знающими о масках и ножах.

Когда Вудсборо остался позади, Дженнифер закрыла глаза. Не от страха. А чтобы запомнить этот момент: как город исчезает, как тишина становится не пугающей, а просто тишиной. Как боль не уходит, но перестаёт быть единственной вещью, которая определяет тебя.

Она достала из другого кармана старую фотографию. Тайлер смеялся, щурясь от солнца, а она держала камеру и кричала: «Не моргай!» Он моргнул. И именно этот снимок она любила больше всех: в нём было столько жизни, столько

неловкости, столько настоящего.

Дженнифер прижала фото к груди, чувствуя, как под ладонью бьётся сердце — живое, упрямое, готовое к новому дню.

И впервые за долгое время ей стало чуть легче дышать.

«Тень в октябрьской темноте»

Глава 1. Тихий пригород

Это был не американский городок, а обычный российский спальный район на окраине небольшого областного центра. Здесь не было ярких тыкв и гирлянд из бумажных скелетов: Хэллоуин тут не праздновали по-настоящему, разве что подростки ради шутки нацепляли дешёвые маски и бегали по подъездам, выкрикивая «сладость или гадость». Но в этом году октябрь выдался особенно промозглым: дождь лил почти без остановки, асфальт блестел, как чёрная ледяная корка, а ветер срывал последние листья с клёнов, растущих вдоль тротуаров.

В центре района стоял старый девятиэтажный дом из серого бетона, с облупившейся краской на входных дверях и вечно мигающей лампой в подъезде. В квартире на пятом этаже жила Алёна Костина, двадцати трёх лет. У неё были тёмно-русые волосы, подстриженные под каре, и большие карие глаза, в которых часто читалась усталость — она работала медсестрой в районной больнице и привыкла видеть чужую боль, но всё равно не научилась к ней равнодушно относиться. В тот вечер она была в домашней одежде: старые мягкие джинсы и тёплый свитер крупной вязки, пахнущий

стиральным порошком и домом. Она собиралась просто провести вечер за чашкой чая и книгой, отгородившись от сырого октября.

С ней в квартире был Миша, её младший брат, пятнадцати лет. Он был худым, долговязым, с непослушными вихрами светло-каштановых волос и привычкой грызть кончик ручки, когда волновался. Сегодня он волновался: в школе кто-то пустил слух, что в районе появился маньяк, который охотится на подростков в Хэллоуин. Миша пытался казаться взрослым и смешным, но Алёна видела, как он вздрагивает от каждого резкого звука.

— Не слушай этих болванов, — сказала Алёна, наливая ему какао. — Просто кто-то хочет напугать всех перед каникулами.

Миша натянуто улыбнулся.

— Ага. Просто... тут так тихо. Как будто весь город затаил дыхание.

И правда: за окном не было ни весёлых криков, ни смеха. Только дождь, барабнящий по подоконнику, и ветер, который выл в вентиляционных шахтах, будто пытался пробраться внутрь.

Алёна подошла к окну и задёрнула плотные шторы. За стеклом мелькнул чей-то силуэт. Она замерла, вглядываясь в темноту.

— Тебе показалось, — быстро сказала она, хотя сама не была в этом уверена.

Но Миша уже вскочил со стула.

— Я слышал шаги на лестничной клетке. Тяжёлые. Будто кто-то специально топает.

Алёна нахмурилась. В подъезде действительно было слышно, как кто-то медленно поднимается по лестнице. Скрип ступеней. Пауза. Ещё шаг.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок.

На площадке стоял человек.

Высокий, широкоплечий, в тёмном плаще, который казался слишком тяжёлым для этой осени. Лицо скрывала маска — не карнавальная, не смешная, а пугающе безликая: белая, гладкая, с чуть вытянутыми чертами, будто слепленная из воска. В руке у него был большой кухонный нож, лезвие тускло поблёскивало в свете лампы, которая мигала, как больное сердце.

Человек стоял неподвижно. Смотрел прямо на дверь. Или туда, где, по его мнению, должны быть глаза Алёны.

Сердце Алёны забилося где-то в горле, перекрывая дыхание.

Он постучал.

Не громко. Не торопливо. Три удара — ровные, размеренные, как удары метронома, отсчитывающего последние секунды спокойствия.

— Кто там? — крикнула Алёна, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как испуганный шёпот.

Тишина.

Потом — медленный, тяжёлый шаг назад.

Звук удаляющихся шагов по бетонному полу.

Алёна прислонилась к двери, чувствуя, как холодный металл ручки врежется в ладонь.

— Нужно звонить в полицию, — прошептала она.

Миша кивнул, но пальцы у него дрожали, когда он набирал номер.

Диспетчер ответила спокойно, почти равнодушно:

— Адрес? Что случилось?

Алёна рассказала про человека в маске и про нож.

— Поняла. Патруль будет через двадцать минут. Постарайтесь не выходить из квартиры.

Двадцать минут. Для Алёны это прозвучало как вечность.

Глава 2. Охота начинается

Через пять минут в подъезде погас свет.

Сначала мигнул, потом щёлкнул автомат, и наступила темнота — плотная, вязкая, будто кто-то накрыл дом чёрным одеялом.

Миша закричал, но Алёна схватила его за руку.

— Тихо! Не привлекай внимание.

Она нащупала в кармане телефон, включила фонарик. Луч света выхватил из темноты испуганное лицо Миши, дрожащие руки, приоткрытую дверь в коридор.

Из коридора донёсся тихий звук.

Скрип.

Будто кто-то осторожно приоткрыл дверь на балкон или в кладовку.

Алёна потянула Мишу к ванной. Там было маленькое окно, выходящее на пожарную лестницу. Не идеальный путь, но хоть какой-то.

Они втиснулись в тесное помещение, закрыли дверь на хлипкую защёлку. Алёна прижала брата к себе, чувствуя, как его тело дрожит, как у пойманного зверька.

Луч фонарика метался по кафельным стенам, выхватывая из темноты трещины, ржавые подтёки, капли воды, стекающие по трубе.

И вдруг свет выхватил ещё кое-что.

Тень.

Огромную, искажённую, будто растянутую по стене. Она двигалась. Медленно, плавно, как дым.

А потом за дверью раздался скрежет.

Кто-то дёргал ручку. Потом ударил плечом.

Защёлка хрустнула.

Дверь распахнулась.

В проёме стояла фигура в маске.

Плащ был мокрым, с него капала вода, собираясь в тёмные лужи на полу. Нож он держал низко, почти у бедра, как будто знал, что резкий взмах не нужен — достаточно одного точного удара.

Алёна оттолкнула Мишу назад, к окну, и шагнула вперёд, загоразивая его собой.

— Не подходи! — крикнула она, голос сорвался на хрип.

Фигура не ответила. Она просто сделала шаг внутрь, потом ещё один. Вода с плаща капала на пол, образуя маленькие тёмные круги, которые медленно расплзались, как чернила в воде.

Алёна схватила с полки флакон шампуня и швырнула в фигуру. Бутылка ударилась о маску с глухим стуком, но не разбила её. Фигура даже не вздрогнула.

Тогда Алёна схватила бритву, лежавшую на краю раковины. Старая, с выдвигаемым лезвием, она выглядела жалко против огромного ножа, но это было единственное оружие.

— Уходи! — закричала она, и в этом крике было всё:

страх, ярость, отчаяние матери, защищающей своего ребёнка, даже если это её брат.

Фигура в маске наклонила голову, будто изучая её, как насекомое под стеклом. Потом подняла нож.

Лезвие блеснуло в луче фонарика.

Удар был быстрым.

Алёна успела отклониться, но не полностью. Холодная сталь чиркнула по плечу, разрывая ткань свитера и кожу под ней. Боль пришла не сразу — сначала было только ощущение, будто её обожгли. Потом потекла тёплая кровь, заливая рукав, капая на пол.

Миша завизжал.

Фигура шагнула ближе.

Алёна рванулась вперёд, размахивая бритвой. Лезвие чиркнуло по плащу, оставив тонкую прорезь, но не задело тело.

Фигура схватила её за запястье железной хваткой, пальцы впились в кожу, как когти. Алёна закричала от боли. Бритва выпала из руки и покатилась по полу, звякнув о кафель.

Миша не стоял без дела. Он схватил тяжёлую пластиковую корзину для белья и швырнул её в голову нападавшего. Корзина ударилась о маску и развалилась на части. Фигура покачнулась, но не отпустила Алёну.

Внезапно в подъезде раздался голос.

— Полиция! Руки вверх!

Луч фонаря ударил в дверной проём, выхватывая из тем-

ноты силуэт в маске, Алёну с окровавленным плечом, Мишу, сжавшегося в углу.

Фигура резко отпустила Алёну и рванулась прочь, проскочив мимо полицейского, как тень.

Полицейский бросился следом, споткнулся о порог, упал.

Когда он поднялся, коридор был пуст. Только капли воды вели к выходу, как кровавый след, только вместо крови была вода с мокрого плаща.

Глава 3. Следы на мокром асфальте

Алёна сидела на ступенях подъезда, закутанная в одеяло, которое принёс кто-то из соседей. Плечо жгло, кровь пропитала ткань, но она почти не чувствовала боли — только холод, который проникал под кожу и сковывал движения. Миша сидел рядом, уткнувшись лицом в колени, и тихо всхлипывал.

Вокруг суетились люди: полицейские, медики, любопытные соседи, выглядывающие из квартир, как испуганные птицы из гнёзд.

К Алёне подошёл старший лейтенант Игорь Семёнов, мужчина лет сорока, с усталыми глазами и привычкой хмуриться, будто мир постоянно его разочаровывал.

— Вы сможете описать его? — спросил он, доставая блокнот.

Алёна кивнула, сжимая зубы, чтобы не дрожал голос.

— Высокий. Очень сильный. В тёмном плаще. И маска... такая белая, гладкая. Без выражения. Как будто неживая.

Семёнов записал, потом посмотрел на неё внимательно, не как на жертву, а как на человека, который может знать что-то важное.

— А почему он выбрал именно вашу квартиру? Вы ко-

го-то подозреваете? Может, кто-то угрожал?

Алёна покачала головой.

— Нет. Никто. Просто... сегодня Хэллоуин. И этот октябрь такой тёмный.

Семёнов вздохнул.

— Мы прочешем район. Найдём его.

Но Алёна знала: он не найдёт. Не в эту ночь.

Потому что, когда она подняла глаза на окна своей квартиры, на пятом этаже, в тёмном стекле мелькнула тень.

Та же фигура.

Смотрела вниз.

Ждала.

Глава 4. Последний раунд

Патрульные машины разъехались. Соседи разошлись по квартирам, захлопнув двери и задвинув цепочки. Дождь продолжал лить, размывая следы на асфальте, стирая отпечатки ботинок, делая их неотличимыми от луж.

Алёна лежала на диване, плечо было перевязано, но боль не уходила — она пульсировала в такт ударам сердца. Миша спал рядом, свернувшись калачиком, как маленький мальчик, а не подросток, который хотел казаться взрослым.

Квартира была тихой. Слишком тихой.

Алёна закрыла глаза, пытаясь заставить себя поверить, что всё закончилось.

Но через несколько минут она услышала звук.

Тихий. Едва уловимый.

Щелчок.

Как будто кто-то очень осторожно повернул ручку входной двери.

Алёна вскочила, забыв про боль. Подошла к двери, прижалась ухом к холодному металлу.

За дверью кто-то стоял.

Дышал.

Медленно. Глубоко.

Словно наслаждался моментом.

Алёна отступила назад, оглядываясь в поисках чего-ни-

будь, чем можно защититься. На кухне осталась сковорода. Тяжёлая, чугунная. Она схватила её, чувствуя, как ручка впивается в ладонь.

Ручка двери повернулась.

Дверь приоткрылась.

И в проёме снова появилась фигура в маске.

На этот раз он не медлил.

Он шагнул внутрь, поднял нож.

Алёна замахнулась.

Сковорода ударила его по маске с оглушительным звоном.

Что-то хрустнуло.

Маска треснула.

Фигура пошатнулась.

Алёна ударила снова.

На этот раз маска слетела, упав на пол с глухим стуком.

Под ней было лицо.

Знакомое.

Это был Виктор, сосед с седьмого этажа. Мужчина лет пятидесяти, которого Алёна иногда встречала в лифте и вежливо кивала. Он всегда казался тихим, незаметным, немного грустным.

Теперь в его глазах не было грусти. В них была пустота. И что-то ещё, от чего кровь стыла в жилах.

— Зачем? — прошептала Алёна, и голос её дрожал, но она не отступала. — Зачем ты это делаешь?

Виктор улыбнулся. Улыбка была кривой, будто мышцы

лица забыли, как это делается.

— Потому что ночь любит тишину, — прошептал он, и его голос звучал странно, как будто говорил не он, а кто-то другой, прячущийся внутри. — А тишина любит кровь.

Он рванулся вперёд.

Алёна отскочила, споткнулась о край ковра, упала.

Нож просвистел над ней, вонзившись в деревянный пол. Лезвие застряло, дрожа от удара.

Виктор потянулся, чтобы вытащить его.

В этот момент Миша вскочил. Он не думал. Не взвешивал шансы. Он просто не мог смотреть, как этот человек снова поднимет нож.

Он схватил настольную лампу и ударил Виктора по голове.

Лампа разбилась. Виктор пошатнулся, схватился за голову, из-под пальцев потекла кровь, тёмная и густая.

Он посмотрел на Мишу. В его взгляде мелькнуло удивление — будто он только сейчас понял, что перед ним не просто жертва, а человек, который умеет бороться.

Потом он медленно опустился на колени.

— Слишком шумно, — прошептал он. — Слишком много криков.

И упал лицом вперёд.

Эпилог. Утро после тьмы

Утро было серым и холодным. Дождь наконец прекратился, но небо оставалось таким же тяжёлым, будто не знало, как стать светлым.

Алёна стояла у окна, глядя на двор, где полицейские упаковывали улики, а соседи шептались, прикрывая рты руками, как будто слова могли быть заразными.

Миша сидел на кухне, пил горячий чай и смотрел в одну точку. Он больше не пытался казаться взрослым. Он просто был мальчиком, который пережил самую страшную ночь в своей жизни.

К Алёне подошёл Семёнов. В его глазах было что-то новое — не усталость, а уважение.

— Вы молодцы, — сказал он тихо. — Вы выжили.

Алёна кивнула.

— А он... он всегда был таким?

Семёнов помолчал.

— Нет. Но у него были проблемы. Давно. Никто не замечал. Пока не стало поздно.

Алёна посмотрела на улицу, где солнце наконец пробилось сквозь тучи, окрашивая мокрые крыши в тусклый золотой цвет.

Это не было концом. Это было только передышкой.

Потому что в каждом тёмном углу, в каждом тихом подь-

езде, в каждой тени, падающей от фонаря, всё ещё пряталась
тьма. И она ждала своего часа.

Но сегодня Алёна знала: она сможет с ней встретиться.

И не отступит.

«Домохозяйка»

Глава 1. Идеальный дом

Дом стоял на окраине небольшого подмосковного посёлка, в тупике, где дорога обрывалась у ржавых ворот заброшенной пилорамы. Это был аккуратный кирпичный коттедж в три этажа, с белыми наличниками, коваными перилами и клумбами, где даже в октябре ещё держались последние астры — ярко-красные, будто капли крови на сером фоне осени.

Внутри дом был ещё безупречнее, чем снаружи. Полы блестели так, что в них можно было разглядеть своё отражение. На стенах висели вышитые рушники, на подоконниках стояли фарфоровые статуэтки, а в воздухе витал запах ванили и чего-то ещё, чуть едкого — будто хозяйка слишком усердно полировала мебель специальным составом.

Именно сюда приехали Вика и Артём, молодая пара, чтобы провести выходные вдали от городской суеты. Вика, 28 лет, была невысокой, хрупкой, с тёмными кудрями, которые она вечно пыталась собрать в пучок, но они всё равно выбивались и обрамляли лицо непослушными завитками. Она работала редактором в издательстве и мечтала написать свой роман, но всё никак не могла найти время и тишину. Артём, 30 лет, был крупнее, спокойнее, с лёгкой проседью на висках

и привычкой всё проверять: замки, окна, газовые краны. Он работал инженером и относился к миру как к сложной, но предсказуемой системе. До этого момента.

Хозяйку дома звали Галина Петровна. Ей было под шестьдесят, но выглядела она моложе: подтянутая, статная, с прямой спиной и взглядом, который будто сразу замечал любую пылинку. У неё были короткие седые волосы, уложенные в идеальную причёску, и руки, которые никогда не оставались без дела: то она поправляла скатерть, то смахивала невидимую соринку, то проверяла, ровно ли стоят чашки на полке. На ней всегда был аккуратный домашний костюм — бежевая водолазка и тёмно-синие брюки, а на шее — тонкая золотая цепочка с крестиком, который при каждом резком движении ударялся о ключицу с тихим металлическим звуком.

Когда Вика и Артём приехали, Галина Петровна встретила их у порога с улыбкой, которая казалась слишком широкой для обычного приветствия.

— Проходите, проходите! Дом рад гостям. Только обувь снимите, пожалуйста: у меня полы только что вымыты, не хочу, чтобы грязь разнесли.

Вика послушно разулась, чувствуя себя неловко: на подошве её ботинок и правда налипли комья осенней грязи. Артём задержался на пороге, оглядывая крыльцо, будто искал подвох.

Галина Петровна заметила его взгляд и рассмеялась — звонко, как будто это была не настоящая эмоция, а репети-

рованная реакция из старого фильма.

— Не переживайте! У меня тут всё под контролем. Ни одна мышь не проскочит, ни один сквозняк не проберётся. Дом должен быть крепостью, правда?

Она провела их по дому, показывая каждую комнату, каждый шкаф, каждый уголок, словно это был музей, а не жильё.

— Вот тут у меня специи по алфавиту расставлены. А тут — тряпочки для пыли, каждая для своей поверхности. А вот тут... — она остановилась у двери в подвал и на секунду замерла, улыбка стала чуть менее яркой, будто маска на мгновение сползла. — А туда не ходите, пожалуйста. Там трубы, сыро, да и лестница старая. Не дай бог, ногу подвернёте.

Голос её звучал заботливо, но в нём проскользнула стальная нотка, от которой у Вики по спине пробежал холодок.

Артём кивнул, но Вика заметила, как он незаметно сфотографировал табличку с правилами проживания, висевшую на стене: «Не оставлять мокрые полотенца на полу», «Мыть посуду сразу», «Не передвигать мебель», «В подвал не спускаться».

Глава 2. Правила игры

Вечер начался спокойно. Вика заварила чай, Артём разжёг камин, и на какое-то время им показалось, что всё хорошо. Дом действительно был уютным, если не обращать внимания на эту странную, давящую идеальность.

Но потом Галина Петровна пришла снова. Без звонка, без стука — просто появилась в дверях, как будто дом сам её выпустил.

— Ой, а у вас тут чашка не на своём месте стоит! — она схватила чашку, которую Вика только что поставила на стол, и быстро унесла на кухню. — Я её лучше помою, а то вдруг разводы останутся.

Вика хотела возразить, но не успела. Хозяйка уже тёрла чашку губкой с такой силой, будто пыталась стереть с неё не пятна, а саму память о том, что её держали чужие руки.

Потом Галина Петровна заметила мокрое полотенце, которое Вика повесила на батарею.

— Так нельзя! — голос её вдруг стал резким, как удар хлыста. — Влага портит дерево, разрушает структуру! Вы хоть понимаете, сколько труда я вложила в этот дом?

Вика вздрогнула. Артём встал между ними, стараясь говорить спокойно:

— Простите, мы не хотели. Сейчас всё исправим.

Галина Петровна посмотрела на него, и её лицо снова раз-

гладилось, улыбка вернулась — такая же безупречная, как и всё в этом доме.

— Ну ладно. Главное, что вы понимаете. Дом — это живое существо. Его нужно уважать.

Она ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Но через пять минут Вика услышала, как в прихожей щёлкнула задвижка.

— Ты это слышал? — прошептала она Артёму.

Он нахмурился, подошёл к двери и дёрнул ручку.

Дверь не открылась.

— Она нас заперла? — Вика почувствовала, как сердце забилось где-то в горле.

Артём постучал.

— Галина Петровна! Откройте, пожалуйста. Мы просто хотим выйти на улицу, подышать.

Тишина.

Потом — лёгкие шаги, удаляющиеся по коридору.

И вдруг из соседней комнаты раздался голос, спокойный и ровный, как будто она стояла не за стеной, а прямо у них над ухом:

— Вы никуда не пойдёте. Пока не научитесь уважать мой дом.

Вика и Артём переглянулись. В глазах Артёма читалось то же, что чувствовала она: это уже не странная хозяйка. Это ловушка.

Глава 3. Цена чистоты

Ночью дом ожил. Скрипели половицы, будто кто-то ходил по кругу, не останавливаясь. Из подвала доносился тихий, ритмичный стук — как будто там кто-то отбивал такт тяжёлым предметом.

Вика не спала. Она сидела на диване, обняв колени, и смотрела на дверь, ожидая, что она распахнётся в любой момент. Артём пытался дозвониться до полиции, но связь не ловила: дом стоял в низине, и сигнал терялся среди холмов.

Под утро Галина Петровна снова пришла. На этот раз она была в фартуке, белоснежном, как хирургический халат, и в резиновых перчатках, натянутых до самых локтей. В руках у неё была большая щётка с жёсткой щетиной и бутылка с едким чистящим средством, от запаха которого у Вики защипало в глазах.

— Пора навести порядок, — сказала хозяйка, и её голос звучал не как у пожилой женщины, а как у кого-то, кто давно забыл, что такое человеческая мягкость. — Вы принесли в дом грязь. Её нужно удалить. Полностью.

Она шагнула вперёд, и Вика увидела, как в складках фартука что-то блеснуло. Что-то металлическое.

Нож. Большой, кухонный, с зазубренным лезвием, которое выглядело так, будто им резали не овощи, а что-то гораздо более плотное.

Артём встал, загоразивая Вику.

— Остановитесь. Мы уедем прямо сейчас. Просто открьйте дверь.

Галина Петровна покачала головой. Её улыбка исчезла. Теперь на её лице было что-то другое — холодное, расчётливое.

— Никто не уезжает, пока работа не сделана. Дом требует жертв.

Она замахнулась щёткой, но это был лишь отвлекающий манёвр. В тот момент, когда Артём инстинктивно отшатнулся от едкой пены, она метнулась вперёд, выхватывая нож.

Лезвие просвистело в воздухе.

Артём успел отклониться, но не полностью. Холодная сталь чиркнула по его предплечью, разрывая ткань свитера и кожу под ней. Кровь выступила мгновенно — яркая, алая, она капала на безупречно чистый пол, образуя маленькие тёмные круги, которые расползались, как признание поражения.

Вика закричала.

Галина Петровна замерла, глядя на кровь, как на что-то прекрасное.

— Наконец-то, — прошептала она. — Дом получил свою плату.

Артём схватился за рану, пытаясь остановить кровь, но она текла сквозь пальцы, горячая и липкая.

Вика метнулась к камину, схватила кочергу. Металл был

тяжёлым, холодным, и в этот момент он казался единственным реальным предметом в этом нереальном кошмаре.

— Не подходи! — крикнула она, голос дрожал, но в нём была ярость, рождённая страхом за любимого человека.

Галина Петровна остановилась, наклонив голову, будто изучая её, как насекомое под стеклом.

— Какая страсть, — проговорила она тихо. — Жаль, что ты не направила её на уборку. С таким огнём ты могла бы сделать этот дом идеальным.

Она сделала ещё один шаг.

Вика замахнулась.

Кочерга ударила по бутылке с чистящим средством. Стекло разлетелось, и едкие брызги полетели во все стороны.

Одна капля попала Галине Петровне в глаз.

Она закричала — не от боли, а от ярости, от того, что её безупречность была нарушена. Рука с ножом дрогнула.

Артём воспользовался моментом. Он бросился вперёд, схватил хозяйку за запястье и сжал его с такой силой, что пальцы её разжались, и нож упал на пол с глухим стуком.

Они боролись, скользя по полу, залитому кровью и чистящей жидкостью, падая на колени, ударяясь о мебель, которая, казалось, тоже была против них — углы столов норовили подставить подножку, ножки стульев цеплялись за одежду.

Наконец Артём повалил Галину Петровну на пол, прижимая её руки к бокам.

— Где ключи? — крикнул он, тяжело дыша, чувствуя, как кровь стекает по руке, как пол уходит из-под ног от потери сил. — Где ключи от двери?

Галина Петровна смотрела на него, и в её глазах не было ни страха, ни раскаяния. Только холодная уверенность.

— Их нет. Я их выбросила. Дом не отпускает тех, кто его не уважает.

Вика схватила нож, держа его дрожащими руками, но не для того, чтобы ударить. Она хотела иметь хоть какое-то преимущество, хоть какую-то защиту.

В этот момент из подвала раздался новый звук.

Не стук.

А чей-то тихий, прерывистый стон.

Будто кто-то долго молчал и наконец смог издать хоть один звук.

Глава 4. Тайны подвала

Артём отпустил Галину Петровну, но теперь уже Вика держала нож направленным на неё, не сводя глаз, боясь моргнуть и упустить момент, когда та снова бросится вперёд.

— Кто там? — спросил Артём, глядя на дверь в подвал, как на вход в другой мир.

Галина Петровна улыбнулась. На этот раз улыбка была настоящей — широкой, безумной, обнажающей все её зубы.

— Мои помощники. Те, кто понял, как нужно любить этот дом.

Артём рванулся к двери, дёргая за ручку, но она была заперта на тяжёлый навесной замок. Он огляделся, схватил стул и ударил им по замку. Дерево треснуло, металл звякнул, но замок держался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.